

Миша Хенкин рассказывает...

***

— Значит, был Наум первый, самый старший. Потом Исай. Они до войны все жили в Запорожье, потом они эвакуировались во время войны и они жили в Ташкенте. Умер он, когда ему было восемьдесят лет. Рождения он 1900 года, значит, в восьмидесятом году он умер. Потом, после Исая был Яшка, он погиб во время первой мировой войны, в гражданскую войну.

— Сколько ему лет-то было в гражданскую войну?

— Ему тогда было девятнадцать.

— А где погиб?

— Под Запорожьем, в Синельникове. Попал в плен к деникинцам.

— А с кем он воевал?

— Белые и красные тогда были, он был на стороне красных. А потом был Левка, Лева, он умер после войны в Запорожье. Потом был Исаак, несколько лет тому назад умер, в Америке, в Нью-Йорке.

— Та фотография, на которой вы...

— Совершенно верно. Потом был Моисей, погиб в эту войну под Киевом, в 41 году.

— А Исаак когда попал в Америку?

— А потом я. Исаак переехал в Америку лет десять тому назад. Со своей дочкой старшей, Фаней, и зятем, со всей семьей дочки, а одна

«ДАЕШЬ Маршала Жукова!» — Миша помогает Иссаку получить медаль. Большая фотография в газете, "В новом свете" Нью-Йорк 9 мая 1997 г.

дочка осталась в Запорожье, сейчас живет.

— Переехал тогда, когда и Юрка, что ли?

— Да, примерно в одно и то же время. Они переехали в Америку, и там жили, там и скончался. Он прожил там несколько лет, Исаак. В Америке, в Нью-Йорке. Он 1905 года рождения, он умер, когда ему было 92 года.

***

А зачем вы туда ездили?

— По работе.

— Пишущие машинки?

— Да. По пригородам запорожским ездили, там же очень много районов. Я сейчас уже забыл, как называются, если я начну читать, я вспомню. Я там ездил. Это раз. Второе. Почему я хорошо юг Украины знаю — так получилось, что когда началась война, наша часть, а служил я в Москве, выехала на фронт, 22-го июня, в первый день войны. И выехали мы, наш конечный пункт высадки был подо Львовом. Это Западная Украина. И там мы пробыли немного, как известно, начали отступать. Отступали. Львов, Тирополь (?), Винница, Николаев, Херсон...

— И вы все прошли пешком?

— Пешком и очень мало ехали на машине, больше пешком. Винница, Херсон, Запорожье, Никополь, Днепропетровск, Донецк, Донбасс проползал, а потом дальше на восток, туда. Это я рассказывал.

***

Значит Лева, со своей семьей, Исай со своей семьей и папа с мамой, и в это время наша часть, в которой я служил, вошла в Запорожье, отходила. Когда эвакуировались все мои родственники. И наша часть — так получилось — вошла в Запорожье и через Запорожье отходила на восток. И я отпросился у своего командира домой забежать, прибежал домой, а дом уже пустой. И мне соседи сказали, что они только-только выехали на подводе на вокзал.

— А соседи не уехали?

— Соседи были украинцы.

— И что? Они решили остаться? Соседи кто — мужчины, женщины? Дети?

— Мужчины и женщины, они не эвакуировались.

— А в армию почему не взяли мужчин?

— Они уже были пожилого возраста.

— То есть они остались под немцами?

— Да. Очень много осталось, большинство осталось. Эвакуирова-

лось какихнибудь 10%.

— **А чем они занимались там?**

— Это надо у них спросить, я не знаю. Там сапожник был, он работал. Я поехал сразу с нашего двора...

— **А мебель они брали или бросили все имущество?**

— Все бросали, не только мебель. Куда там мебель! Понимаешь, что говоришь?

— **А кто эту мебель брал, соседи, что ли, забирали?**

— Кто мог, тот и грабил. Грабили, понимаешь? Грабили.

— **А кто вселился в дом ваш?**

— Бежали, только то, что можно было на себя взять. На плечи погрузить.

— **Ну это, что на плечи, не в один ведь день бежали. Сколько там времени-то? В каком месяце?**

— В течение двух часов надо было собраться, на подводу погрузить и на вокзал.

— **А зачем подвода? В каком месяце это было?**

— В августе.

— **То есть июнь, июль, август — три месяца, да? Фактически два месяца где-то.**

— Да приказ был об эвакуации за неделю до отъезда.

— **Ну за неделю могли бы собраться, продать все.**

— Кому? Кто его купит, когда все бежали?

— **Бежали же не все, бежали 10 процентов.**

— Бежало большинство, никто не покупал, ты что?

— **Ну поменять на золото...**

— Да, поменять... Никто ничего не покупал.

— **Почему?**

— Потому. Никому это ничего не нужно было, все люди бросали. Вот вся квартира — я зашел в квартиру — все наше в квартире было. Зашел к Лева в квартиру — все. Какая мебель, там и подушки, и кровати, и одеяла — разве можно это было все взять. Все было оставлено.

— **А что брали?**

— То, что можно было в мешки положить. Взяли простыни, одеяла, пальто, потому что зима же будет. Ну, одежду в основном только брали. А все остальное — продукты там были заготовлены, у всех были продукты разные, крупы... Потом все разграбили те, которые остались. Значит, они эвакуировались, на вокзал я приехал, прибежал на вокзал, они уже в поезде. А поезд какой — товарные вагоны. Без туалета, без

ничего. И в этих товарных вагонах были такие стеллажи, полки сделаны из досок. И вот размещались на этих досках, ни туалета, ничего нет, а живые же люди.

— **Ну можно же выйти, когда останавливались.**

— Где он останавливался? Он может идти два-три часа, а потом остановится на полдня. А может идти без остановки. Потому что шли поезда, эвакуировали в основном заводы с оборудованием заводским. И свободные места в этих железнодорожных вагонах, где везли оборудование с заводов, брали этих людей.

— **То есть 10, в Запорожье же наверняка 10% евреев было, то есть эвакуировались только евреи?**

— Нет не только. Русские эвакуировались. Но мало, в основном евреи, конечно. И старались все убежать, и то не все убежали. А остальные, которые не убежали, всех расстреляли. Вот, например, в Киеве не убежали все евреи, не успели — 70 тысяч евреев расстреляли в Бабьем Яру. И так в каждом городе. В Запорожье расстреляли твоих родственников.

— **Каких?**

— Фролова брата, его жену и детей.

— **У Фрола были братья? Сколько?**

— Сколько, я не знаю, два или три, и сестры были. Я забыл, как его звали, сейчас вспомню, брат... Иосиф, по-моему. По-еврейски, Есиф. Есиф. Он не успел эвакуироваться и его со всей семьей, с женой, с детьми расстреляли в Запорожье, когда вошли немцы. Бабку расстреляли.

— **А откуда узнали, что он еврей? Соседи сказали?**

— Ты детские вопросы задаешь. Когда немцы входили в каждый город, объявление расклеивали — всем евреям явиться в такой-то день в городской сад, или в районную управу, в горсовет, скажем, с паспортом. Приходили в регистрацию, на рукав надевали такую повязку с шестигранной звездой, и никуда не денешься, все. И ты должен был так ходить, попробуй сними эту повязку. Сразу тебя расстреляют на улице. А кто не являлся на эту регистрацию, тех выдавали.

— **Просто так или за вознаграждение?**

— Просто так везде выдавали, предателей мало было разве. Детей... Дети убегали, девять лет, восемь лет, были такие родители, сами говорили: уходи, куда хочешь, беги отсюда. И вот они убегали, дети. А потом родителей нет, он приходит домой — пустой дом, никого нет. А соседи видят — а, пришел жиденок! И полицейский, полицейский идет. А полицейские все хохлы были. Вот жиденок остался! Родителей забрали. Все. Вот так расправлялись. В нашем дворе жил парень, старше меня года

на три, на четыре, Марко Гончаров (?), он не успел эвакуироваться. И он не явился на этот пункт регистрации.

— **Решил схитрить, да?**

— **И он скрывался по району, а как скроешься? — Паспорт везде требовали.**

— **Советский?**

— Ну да, паспорт, который был. И он скрывался почти всю войну. А два года там была оккупация, в Запорожье. И все-таки в конце, буквально за две недели до того, как вошли войска Красной Армии в Запорожье, его выдали и его расстреляли.

— **А чем он занимался, когда скрывался?**

— Вот этого я не знаю, чем. По помойкам где-то ходил, кто чего даст...

— **Надо ж есть чего-то.**

— Вот так. Такая жизнь.

— **Он мог потерять паспорт. Как доказать?**

— Потерять? Там все знали люди, ты понимаешь. Приводили его в участок — Где жил? — Там-то. Шли туда с ним прямо. Вы этого знаете? Знаем, да. А как же, еврей. Все. Вот тебя поймали где-то на улице, облавы были, кроме того, что по расстрельным объявлениям надо было явиться, а еще кроме того, на рынке народ собирались, где-то что-то купить, что-то достать покушать, — вдруг рынок окружают со всех сторон полицаи и всех мужчин, женщин проверяют документы. У кого нет документов, подозрительный, всех в колонну под конвоем и в тюрьму.

— **То есть единственный был способ — это подделать паспорт?**

— А что подделаешь паспорт, ну, что подделаешь?

— **Написать, что русский.**

— Русский... Да тебя поведут когда — соседи опознают.

— **Так о чем говорить, если паспорт есть?**

— Узнают и покажут на тебя. Вот Лева, брат, у него жена была, он и сейчас жива в Америке, у нее родной брат был сапожник высококвалифицированный, звали его Шурка, Персидский фамилия. Он не захотел эвакуироваться, он не верил, что расстреливают немцы. И он остался в Запорожье. Еврей. Где-то тоже скитался, такой умный парень был, скитался... Ему тогда было лет тридцать пять. И которых он знал соседи, хорошие такие, украинцы, он у них скрывался, потом, соседи сами боялись держать. Было так: кто приютит еврея, будет расстрелян. Они боялись. Вот он скрывался, скрывался, потом надо ж куда-то идти, что-то покушать, где-то выпросить что-то, — он шел по улице и его : Ты, жид, я ж тебя знаю! Он: Я тебя не знаю, иди отсюда, — а он его за

руку — раз, а здесь полицейские ходят, полицаи, украинцы, — Вот этот вот, еврей, сапожником работал! Избили — это мне рассказывали соседи, сами видели это

— **Когда рассказывали?**

— Когда после войны я там был. Избили его до полусмерти, прямо на тротуаре, на улице, а потом расстреляли. Умный был мужик, старался скрываться, но...

— **А подделать паспорт, уехать в другой город?**

— Невозможно. Это было невозможно. В другом городе тоже тебя — почему не в армии, что... А еврей тем более, обрезанный, — все, снимай штаны. Так что скрыться нельзя было. Но, ты меня спросил, значит, они эвакуировались...

— **А вы не поехали на вокзал?**

— Я ж тебе говорю, что я был на вокзале.

— **А вы с ними увиделись?**

— Ну, а как же! Я встретился с ними на вокзале, попрощался с ними. А я военный, с винтовкой, с противогазом, со всем, у меня же времени мало было, наша часть через Запорожье отступала. Отходила. Они эвакуировались, разгрузили их на Северном Кавказе, в районе — Пятигорск, Железноводск, Георгиевск. Группы Минеральных Вод города. Они там пристроились, нашли какой-то сарайчик, жили там. Мама там на рынке покупала муку, дома пекла пирожки какие-то, к вокзалу подносила — военные все эшелоны шли с войсками. И она к вокзалу подносила, эти пирожки сразу раскупали.

— **За деньги?**

— А что ж, задаром что ли?

— **Но деньги тогда ходили?**

— А как же. И благодаря этому, что она вот этим занималась, они жили. А потом немцы и туда пришли. Они второй раз бежали. Бежали уже пешком, большинство, что на себя возьмешь. Пешком, уже все распродали, то что у них было, из Запорожья вывезли... И добрались они до Махачкалы. А там их посадили на баржи для того, чтобы переправить, эвакуировать. А эвакуированных было — мне рассказывали — сотни тысяч. Не только из Запорожья там было, с многих городов Украины и с Северного Кавказа, Молдавии... Их посадили на баржи, подцепили к теплоходу и начали везти их в Красноводск, на другую сторону Каспийского моря. Воды не было, морская вода — не будешь же ее пить. И вот что они там делали, не знаю, короче говоря, вспыхнула эпидемия дизентерии, и они заболели дизентерией, кое-как добрались до Красноводска, их там в больницу, и в больнице они умерли. От дизентерии. И папа, и мама. Это с нашей стороны. А там сотни, тысячи

людей поумирало.

— **А откуда вы об этом знаете, кто вам рассказал?**

— Мне рассказал об этом Лева

— **Сколько ему было тогда лет?**

— Левке? Левке было тогда 33 года.

— **Он вместе с ними был?**

— Нет, он до Махачкалы с ними доехал, а там знакомые были все, много очень.

— **То есть в эвакуацию уезжали в основном все-таки евреи? Потому что евреи боялись и мало было возможностей уехать?**

— В эвакуацию уезжали евреи, русские. Вот они эвакуировались с каким-то заводом, а в основном из Запорожья эвакуировались — там был завод 29, это моторостроительный завод, очень большой завод, авиамоторостроительный, он эвакуировался два месяца, эшелон за эшелонами, и рабочие вместе с паспортами, с оборудованием эвакуировались. очень много русских, украинцев, но кто хотел. А евреи все бежали. Старались. И то не все убежали, многих расстреляли, тех, которые остались.

— **Большое количество людей остались под немцами, да?**

— Да.

— **Когда обратно освободили эти территории, что с ними делали, с этими людьми, те же не по своей воле...**

— С кем?

— **С тем, кто под немцами работал, жил.**

— Значит, те люди, которые были во время оккупации с немцами, они были на втором плане. Короче говоря, их на руководящие ответственные работы никуда не брали. Только простыми рабочими. Если ты был, скажем, адвокат, работал при немцах, все, считай, что ты уже адвокатом не будешь. Можешь идти работать служащим каким-нибудь, писарем, продавцом, а адвокатом уже по своей специальности работать не можешь. Или ты работал судьей, скажем, или ты работал еще на какой-то ответственной работе. Я даже больше скажу, что летчики во время войны, наши советские летчики, которые летали бомбить немцев на территорию, оккупированную немцами, спрашивали: где твои родители? — На Украине, в оккупации. — Не давали летать. Чтобы он туда не смылся. Вот такие условия были. В общем, им тоже было не сладко после того, как наши вошли. Этим, которые были под пятой немцев. А потом еще смотрели — как кто себя вел во время оккупации. Если он лоялен был советской власти и не был замечен ни в каких группах, не был ни полицаем, у немцев не работал на службе, значит, к нему относились более-менее. А многих сажали, многих расстрелива-

ли наши уже, придя. Я тебе скажу. Наша часть отступала, дошла до Новороссийска, потом после Сталинградской битвы войска Северного Кавказа пошли в наступление. И первый город, в который наша часть входила, был Краснодар, там немцы бесчинствовали, и их там многие — там же кубанские казаки — многие поддерживали немцев, были рады их приходу. Когда наши пришли — наши сразу их всех в КГБ. Выловило. Как выловило — теперь вот я тебе расскажу. Когда наша воинская часть зашла в Краснодар, мы там разместились на окраине города, где в землянках, где в сараях, где в конюшнях, — и вот нас ночью подымают, три-пять человек — солдаты, сержанты и один офицер, и дают населенный пункт — вот в Краснодаре мы были, — улица Чехова, левая сторона, начиная с номер 2 и кончая номер 50, в каждый дом ночью в два часа ночью заходим, стучим — кто? Откройте, проверка, военная комендатура. Куда вы Ночью?... Откройте!" Не открывают — дверь ломаем, прикладами. А куда им деться — открывают. Людей ищем, мужиков. Заходим, смотрим под кровать, шкаф открываем один, другой, третий, на чердак лезем, в погреб лезем, ищем мужиков. Днем нас тоже собирают к рынку, оцепляем рынок и каждого человека на рынке проверяем. Каждого. Документы. К кинотеатру подходим, оцепляем кинотеатр...

— **Смысл какой? Документов у него нет, ну и что?**

— Забирают.

— **А если есть?**

— Тоже забирают. Если мужик — забираем.

— **Всех мужиков?**

— Да. Призывного возраста. А там выясняют, почему он не в армии — может, он бежал, может он дезертир, почему он не в армии? А может, он полицай бывший. Их всех, там знали, что с ними делать. Вот так через ночь нас поднимали и днем — оцепляют кинотеатр и каждого человека в кинотеатре проверяют.

— **Женщин в основном?:**

— Нет, мужчин.

— **Только мужчин?**

— Да, женщин нет. Мужчин призывного возраста и постарше, может, полицаем был. И так многих ловили, самых разных предателей. И там был суд. В Краснодаре. Судили полицаев. Летом 43-го года опять нас поднимают в оцепление на главную площадь города, привозят и становятся нас — ну, ты видел как ставят милиционеров, а тогда милиции не было, только военные, — мы все с автоматами. Виселицы построены, столбы с перекладинами, а на них веревки с петлями, на каждой виселице не то три, не то четыре петли. Под виселицу подгоняют авто-

машины, американские студебекеры с открытыми бортами, и машины "черный ворон" подвозят этих смертников. Их выводят из машины, у них руки связаны, тогда не было наручников, разного возраста причем — начиная от 20 лет и до 60 лет, вот такой континуум был. Построили, подошел наш генерал, прокурор, прочитал приговор: "Именем Союза Советских Социалистических Республик приговорить к смертной казни через повешение", там перечисляют за какие проступки. И вот начинают их вешать. А мы следим за этим делом, за порядком. Вот так.

— Повесили?

— И повесили. Я помню как сейчас, один был там бывший, бывший офицер советской армии по фамилии Тищенко, он бежал, дезертировал из Советской Армии, перебежал на сторону немцев, а во время оккупации Кубани он в полицейском участке был глава. Его поймали. Здоровый такой, ему было лет 30. И вот его на машину, приподняли, руки связаны, два солдата на машину и петлю на шею надевают вот так, а он приседает. Они его тогда приподымают. Он что-то крикнуть хотел, а один солдат ему закрыл рот рукой, он ему раскусил всю ладонь. Тогда еще два солдата поднялись, тот здоровый был такой. Ну, подняли его в петлю и бросили. Когда петля затягивается, еще залезла одна баба, офицер, намылила петлю, голова сразу набок, ноги сюда, а с языка кровь капает. И все, и готов. Вот такая казнь.

— Просто стрелять не стали?

— Это хуже чем расстрел, это ж более тяжелая смерть. Вот после суда в Нюрнберге, главных фашистских преступников, кроме Гитлера, Гитлер же сам отравился, Геринг, Кейтель, Розенберг, их много, — их всех повесили. Но их вешали не так, как у нас вешали, их более гуманно вешали. А в чем заключалась эта гуманность? Их приговорили, на рассвете привезли к месту казни, и на голову надевается такой мешок, чтобы он не видел это все сам.

— И в чем гуманность?

— Вот в этом заключается гуманность. Что мешок одевают на голову. Вот я тебе это рассказал.

****

Сотни раз проходил мимо этой мастерской, а потом как-то подошел к этой мастерской, а там мой товарищ, он старше меня был на год, он там уже был устроен и работал. И я Рае сказал — устроиться невозможно было туда, — я Рае сказал: я хочу в эту мастерскую попасть. А как? Туда не брали никого. А она работала на телефонной станции, а тогда вертушек не было, снимал трубку, телефонистка отвечает, а она отвечает: "Тринадцатая" (ее номер 13 был). "Дайте мне 2-65". Она: "Включаю",.. И так вот все время на коммутаторе, целый день вот так, много телефонисток. Я там был у них на телефонной станции, у них руки свободные, а здесь аппаратура, наушники... И она познакомилась с начальником Райпромкомбината, по фамилии Снеков(?), уже пожилой мужчина, лет под 60, она его попросила. Он, там, нет, нельзя, ненужно, а потом все-таки согласился и я туда устроился. Устроился я туда, но в этот цех меня не взяли, где ремонтировали пишущие машинки, а сначала меня взяли по ремонту электронагревательных приборов. То есть я ремонтировал электроутюги, электроплитки, чайники электрические. А потом уже, проработав там около года, я сумел перейти, там реорганизация была, перейти учеником по ремонту пишущих машинок. Я благодаря этой специальности и жив остался, я грыз всю эту науку. Приезжали со всех районов города и привозили нам эту технику в ремонт, и нам приходилось иногда выезжать к ним.

— Когда они не хотели приезжать?

— Ну, тяжело везти... У нас были заключенные договора с ними. Мы туда ездили, обслуживали.

— Ездили на машинах?

— Да. Машиной и поездом. Электричек не было.

— То есть вы обслуживали чуть ли не всю Запорожскую область?

— Да, почти. Нет, не всю, потому что часть Запорожской области примыкала к Днепропетровску, они в Днепропетровск возили, часть

примыкала к городу Кривому Рогу — они в Кривой Рог возили. какой город ближе был расположен — туда возили.

— А вы после войны не могли устроиться по этой же части, по пишущим машинкам?

— Мог.

— Но чего-то не взяли вас?

— Я не ходил даже. После того, как я ушел из Главного управления связи, я не пошел на эту работу. Потому что там заработать уже нельзя было ничего. Мастерских этих развелось очень много, а работы было уже не так много. И поэтому я разговаривал с этими ребятами, что заработать там практически... плохо очень платили. Поэтому я туда уже не хотел идти.

— А сколько было отцу, когда он женился во второй раз?

— Ну откуда я знаю?

— Ну приблизительно?

— Пятьдесят наверное было, когда женился.

— А матери сколько было?

— Лет сорок пять.

— То есть это такой поздний брак был, да? Она вас так поздно родила?

— Года сорок три, может быть.

— Обычно же не рожают...

— Почему это? До пятидесяти рожают.

— А до этого у нее не было детей?

— Нет. Что еще тебе рассказать? Про артели? Про Махно?

— Про Махно, да. Это большая сила была. Я вот сейчас читаю бердянского командира, Бердянск — это же рядом где-то с вами, да?

— Бердянск — это город я знаю. На Азовском море. Курортный маленький провинциальный городок.

— То есть он где-то посередине между Запорожьем и Гуляй-полем, и как председатель тамошнего комитета, Махно с ним дружил. У Махно большая армия была.

— Махно был анархист.

— У него собралась большая армия, и он очень много крови попортил...

— Он собрал армию и такую политику вел: побеждали красные — он лупил красных, побеждали белые — он белых бил.

— В 1919 году его приняли в Красную Армию и у него был даже отдельный полк...

— Это он не оправдал, его расстреляли. Его хотели расстрелять, он бежал. Он бежал во Францию. Он вел.. Банда это была. Это войско —

банда была. Батка Махно. Конная, большая сила была. И в основном базировался он в Запорожье и Екатеринославль, Днепропетровск. Вот эти места. Он до ??? доходил даже. А потом бежал через Румынию он.

В Гуляй-поле я не был.

— Колышево, Докучаевск, Бердянск...

— Орехово, да. Туда поезд ходил.

— Днепропетровск, Синельниково — это другая область, да?

— Этот самый Махно, он в основном вот эти места проходил. Здесь же Красная Армия, Деникин, Врангель здесь был. Воевали с деникинцами, врангелевцами и с Красной Армией.

— А чего он с ними со всеми воевал?

— Он, как я когда-то читал, он хотел выделить лучшую жизнь устроить украинскому крестьянству. Сделать их самостоятельными. Чтобы они волю имели, то есть землю, свободно работали на земле, и это такие лозунги у него были. Вольную работу, свободу украинскому крестьянству. Он сам учитель был. Вот это у него лозунг такой был. Но ни белые, ни красные ему бы это не позволили. Оттого он с ними конфликтовал. Он на стороне красных, а потом красные увидели, что он ведет такую двурушническую политику..

— С белыми он никогда не дружил?

— Он грабил, там политика была — грабеж, но я тебе должен сказать, что буденовцы когда заходили, освобождали украинские города и села, они себя вели не лучше, чем эти, чем махновцы. Тоже занимались разбоями, погромами, грабежами. Это же писал английский писатель. Конармия. Там подробно описывает.

— Интересно, как очевидцы это воспринимали.

— Очевидцы?

— Вы мне объясните, почему крестьяне украинские шли в армию к большевикам, красным?

— Они не шли, их брали, мобилизовывали.

— Невозможно мобилизовать человека, если он не хочет. Они же могли уйти к Махно, к белым...

— И уходили.

— Тогда почему к красным они пошли в большей степени? Вот пишут в воспоминаниях: приходит крестьянин, Махно нам надоел, у нас богатая деревня, давайте за красных воевать будем.

— Надоело крестьянам, как вот сейчас в Чечне, это продолжалось с семнадцатого года по двадцать первый год. Но в основном в двадцатом году, Крым как освободили — надоело, эти приходят. Там же были не только белые и красные, там же были банды Семенова, Зеленая была, черт-те что, и кто ни приходил, все грабили. Красная Армия — Троц-

кий, он был не дурак, очень умный человек, и он сказал: Советская власть лозунг выдвинула — земля крестьянам! Вся власть Советам! То есть после победы Красной армии всю землю отдадут крестьянам.

— Но не отдали.

— Так Ленин провозгласил. А Троцкий это, выступая перед войсками, он был главнокомандующий вооруженными силами, он этот лозунг провозглашал почему? потому что в основном Красная армия состояла из крестьян, царская Россия на 75% была крестьянской страной. И шла мобилизация, вот как я тебе говорю — заходили в деревни, в город и прямо хватили на улицах, и в домах, и в квартирах, и в армию. А не идешь — значит, ты дезертир, скрываешься, расстреливали за дезертирство. Как в Отечественную войну в эту было. Ты что думаешь, ты мог не пойти в Красную армию служить? Вот если тебе 17 лет стукнуло, вот твой отец, я не знаю, сколько ему было лет, 17 стукнуло — все, попробуй не пойдешь.

— Он же не эвакуировался. Он эвакуировался?

— А как же. Но он поехал в другое место. Его же призвали где-то на Кавказе. Нет, не на Кавказе, а в Средней Азии.

— Он все-таки доехал в Среднюю Азию?

— Фруму вытащил с этого... она рыла окопы на Северном Кавказе. Рыла окопы, а Абрашка, его институт из Симферополя эвакуировался тоже через Кавказ. И он ее там где-то разыскал на окопах. Всех женщин мобилизовывали, рыли противотанковые рвы, он ее разыскал, мать, а паспорта у нее не было. Паспорт забрали войска, которые мобилизовывали женщин для рытья окопов, они у них сразу паспорт забирали, чтобы они не убежали. И вот они рыли окопы. Абрашка разыскал ее, узнал, где она, пришел, говорит: мама, надо бежать отсюда. А она: как я могу убежать, у меня паспорта нету? — Черт с ним, ты же не мужчина. Мужчина без паспорта пропал бы тогда. А он ее взял, и с институтом они с Северного Кавказа уехали в какой-то город... ???, что ли. Таким образом, она очутилась с ним. Он там учился, голодал, ну и она с ним была. А Наум где был, я не знаю тогда. Потому что я был в армии, я не знаю.

— Как же она без паспорта жила?

— Сказала, потеряла и все. Так и жила. Ну женщина, выдали временную справку о том, что она потеряла паспорт, вытащили... А мужчину призывного возраста — все, сразу на комиссию и в армию. Так обстояло дело.

— А как звали первую жену Самуила? Мать Наума?

— Ее звали — Фридриша.

— Фрида, попросту говоря. А чего он от нее ушел?

— Чего ушел, она умерла. Конечно.

— Так он женился не просто так, а потому что жена умерла. Разводов не было, что ли, тогда?

— Она умерла, вот как твоя мать умерла, отец твой остался один

— Но в 50 лет просто так не умирают...

— Вот умерла твоя мать, а отец женился твой.

— Но в 50 лет проще жениться, чем в 70.

— Я бы и сейчас мог бы жениться, мне восемьдесят. Сколько было твоему дяде Аркадию, когда он женился? Когда я приезжал из Симферополя, он уже с молодой женой жил, как ее звали, я уже забыл. Сара умерла, его жена.

— Надо же, какой был Самуил плодовитый. Или это в порядке вещей было, то большие семьи?

— Все тогда семьи такие вот были многодетные.

— По шесть, по семь детей?

— Да. У Фрумы, ее фамилия девичья Натапова, я ее отца знал, здоровый и высокий был с такой бородой, У нее были ???, Давид, Фрума, Гинта (?), Хая (?), еще двое каких-то, я уже не помню.

— Как же прокормить такую ораву?

— Вот так вот и кормили. И все были бедные, нищие были.

— И жили в одной комнате?

— Ну почему, в одной комнате... Не в одной комнате, были у всех квартиры, но какие квартиры? Одноэтажные хибары, сломанные дома, две-три комнаты было, один работага — отец детей, а женщина, как правило, не работала. И вот надо было прокормить 6-7 душ детей.

— Как же их прокормить-то?

— Они рожали детей и не думали: надо дать образование... Никто об этом не думал. Какое там образование! Родился мальчик, скажем, исполнилось ему семь лет, его отдавали в еврейскую школу. Он учился там года три-четыре. Начальное образование получал еврейское, но там преподавали математику, правописание, я не знаю, потому что я не учился в такой. Назвалось это учебное заведение — жепер (?). Вот он кончил учебу, 4 класса, скажем, в 11-12 лет его отдавали учеником какому-нибудь ремесленнику, то есть либо учеником к портному, либо учеником к сапожнику, к часовому мастеру, к сторожу, в приказчики (приказчик — это продавец), еще целый ряд профессий. Дело в том, что как правило, евреи проживающие в то время на Украине в Белоруссии, они как правило были ремесленники, все. И тогда не было такой тяги и такого поветрия для учебы, чтобы дети... Школа русская была — семилетка, четырехлетка была и семилетка. Семь лет если закончил ты,

так ты уже образованный человек, считалось. Ты уже грамотный человек, тебя брали на такие работы, где требовался человек грамотный. Поэтому они не думали о том, что надо ребенка, дать ему полное образование, там институт и прочее... Десятилетки ввели на Украине примерно в 33-34 году. А так было 7 лет. Семь лет отучился в школе — все. Больше не мог ты учиться. Значит, ты должен был, если у тебя была тяга, это в мои годы, тяга к учебе — ты мог идти в рабфак. Но, скажем в классе если было 35 человек, в рабфак после семи классов если 5 человек шло, так это хорошо. остальные рассасывались вот так вот. По разным местам, искали себе профессию. На заводы очень много шли, работали на заводах. Я тебе сказал, что отдавали к портному, ученик портного, сапожника, но люди шли и на заводы, на фабрики, работали у станков.

— **А Запорожье это был маленький городок еврейской оседлости?**

— Запорожье до 28 года — почему я говорю — до 28 года — дело в том, что в 28 году, даже в конце 27, 15 съезд партии провозгласил сплошную индустриализацию страны. И началась первая пятилетка. В Запорожье стало интенсивное строительство, Запорожье было выбрано для строительства Днепрогэса. Почему Запорожье? Даже это не Запорожье было, это от Запорожья 7 километров от города самого, выше по течению. почему? Потому что в этом месте были пороги. Знаешь, что такое пороги. Скалы. И Днепр не был судоходен из-за этих порогов. Вот пароходство шло от Херсона, от устья Днепра до Запорожья, и от Киева тоже до Запорожья, а дальше не ходили пароходы, надо было переваливать. Там перевал шел.

Пороги были только в Запорожье, они узкой грядкой проходили. Они перегораживали весь Днепр.

— **И решили их ликвидировать?**

— Перегораживали Днепр, и вот когда грузы там возили, то с барж и с пароходов перегружали на лодки, а потом между этими скалами снова на пароходы и дальше.

— **Что, скалы решили взорвать?**

— Значит, выбрали это место почему? Во-первых, это устойчивый фундамент для строительства плотины. И вот там выбрали место, начали взрывать скалы до определенной глубины, перегородили пол-Днепра дамбой, взрывали эти скалы, и на скалах начали монтировать плотину. Эти пол-Днепра когда закончили — вторую половину. Таким образом, верхний бьеф Днепра был приподнят на 37 метров выше нижнего бьефа. И пороги, выше плотины, были затоплены. Они шли примерно от плотины километров на 20, может на 30, и они были затоплены, и таким образом открылось сквозное судоходство по Днепру из Херсона.

Там шлюзы. Шлюзы — это так, вот теплоход подходит, пароход, на верхнем течении, а нижнее течение на 37 метров ниже, значит, он подходит, открываются ворота камеры, он заходит, ворота закрываются, и как в лифте пароход вместе с водой опускается метров на 5-6, я точно не знаю, или 8 м. Воду спускают, и он вместе с водой опускается.

— **А ворота герметичны?**

— Да. Спустилась вода, и эта камера, этот шлюз сравнялся со вторым шлюзом. Открываются ворота второго шлюза. Он заходит во второй шлюз. Закрываются ворота — опять спускается метров на 10, наверное. Опускается — закрываются эти ворота. Открываются следующие ворота. Он заходит в следующий шлюз. Там опять опускается. И таким образом, три или четыре шлюза, я уже точно не помню, открываются последние ворота — он выходит в нижнее течение Днепра.

— **Это для каждого парохода так?**

— Для каждого. Ну, если в шлюз могут зайти два-три парохода. Два точно.

— **А потом второй шлюз опять наполняется, поднимается?**

— Конечно, а если наоборот пароход идет...

— **А за счет чего поднимается? За счет электромотора? Это же большую энергию занимает.**

— Ну и что? Значит, идут пароходы с нижнего бьефа, здесь уже другая система. Заходит — и он начинает подниматься, подниматься, подниматься... Открываются ворота. Заходит. Следующий поднимается. И так тоже самое, только здесь спуск, а там подъем. Я тебе советую, вот Химки, Северный порт, ты можешь там съездить на теплоходе и проехать до Киевского вокзала. И будешь ехать в этих шлюзах тоже. А Москва вообще — порт пяти морей, как говорят.

Так вот, отошел я от этого. Значит, когда началось строительство Днепрогэса, эта стройка всесоюзная была, не всеукраинская, не всезапорожская, а всесоюзная. Туда сотни тысяч нагнали рабочих. И именно кого вначале — землекопов, экскаваторов, которые вот сейчас, не было а копали лопатками. Назывались они грабари.

— **А откуда брали этих землекопов?**

— Это были крестьяне, мобилизованные из сел окрестных. Кроме того были заключенные.

— **Им деньги платили?**

— В основном, это была масса заключенных.

— **Откуда?**

— Из тюрем.

— **Репрессий же не было еще.**

— За воровство, за разные мелкие такие проступки. Тюремные переполнены были всегда в России. Их брали оттуда и они задаром работали. Площадка, маленькая телега и лопата, и он сам копал. И увозил, сыпал землю на тачку.

— Вы присутствовали при этих работах?

— А как же.

— Но вы же дома были, в Запорожье? Учились там где-то.

— Мобилизовали вот этих крестьян десятки тысяч. С подводами.

— Добровольно?

— Мобилизовали. Заключение разных...

— Но крестьяне-то добровольно шли? Им деньги платили?

— Они же заключенные были.

— Крестьяне?

— Да.

— Почему?

— В тюрьмах сидели.

— Значит, вольнонаемных вообще не было?

— Были, но мало, в основном были заключенные. Также строили ка-

нал Москва— Волга, заключенные строили.

— В 28 году мало было заключенных.

— Полно их было всегда. Короче говоря, Запорожье насчитывало до 28 года восемьдесят тысяч жителей. Но после войны примерно в 50 году в Запорожье уже было около миллиона человек. Вот представь себе, насколько вырос город. Значит, город Запорожье, он вообще назывался Александров до революции, он находился от места строительства этой плотины на расстоянии семи километров. Туда много очень вольнонаемных работало с нашего города, из Запорожья, как они туда добирались — в основном поездом, в Запорожье два вокзала. Один Южный назывался вокзал, который связывался с Крымом, а второй Екатерининский, это вокзал поезда от которого ходили в сторону Днепропетровска и так далее.

— Долго строили Днепрогэс?

— Рабочий Исай, он работал там в районе строительства Днепрогэса, в сапожной мастерской работал, изготовщик обуви был, и там многие рабочие из Запорожья были, строилась эта плотина, начала строиться в конце 27, а пустили ее в 32 году. На открытие этой плотины, электростанции был Максим Горький.

— Вам тогда было лет десять.

— В 32 году мне было одиннадцать лет. Я пацан был, нас туда возили на экскурсию. На автобусах. Трамвая в Запорожье не было в те годы, трамваи в Запорожье пустили в 32 году. Строили эту плотину четыре с лишним года. Пустили — это была громадная победа. Нам говорили, жителям Запорожья, что если вы сейчас за киловатт электроэнергии платите, скажем десять копеек, тогда в те годы — в Запорожье тогда была тепловая электростанция, одна, маленькая, которая обеспечивала город электроэнергией. Работала на угле. А вот когда построят Днепрогэс — энергия будет дармовая и будет город весь освещен как днем. Будет стоить примерно киловаттчас — полкопейки. А когда построили Днепрогэс, электроэнергия если стоила десять копеек — стала стоить тридцать. Если город при этой тепловой электростанции был освещен, то после постройки Днепрогэса он вообще погряз в темноте.

— Почему?

— Причина здесь такая. Одновременно со строительством этой плотины стали строиться колоссальные заводы недалеко от Днепрогэса. Доменные печи построили, четыре доменные печи, коксохимкомбинат, алюминиевый комбинат, завод ферросплавов, и так далее., которые потребляли очень большое количество электроэнергии. Электроемкие предприятия. Поэтому всю энергию, которую вырабатывал Днепрогэс, давали на эти заводы. А для населения уже не хватало. И в Запорожье лимит был на электроэнергию, и кроме того подорожала во

много раз. Вот так. Но Запорожье бурно расти стало в том плане, что стали строиться дома, очень много, и построился фактически новый город там на берегу Днепра рядом с плотиной Днепрогэса. Новый город, больше чем основной город Запорожье, старый, больший там построился. И современные дома большие, пяти-семиэтажные, как в Москве, со всеми удобствами. А Запорожье остался старый основной город на втором плане, со своими хрущобами, с саманными домами, без удобств, без уборных, без воды, на керосинках.

— **В 32-м закончили?**

— В 32 пустили. там было установлено на этой гидроэлектростанции, по-моему, девять турбин. Все они были американские. Тогда в России, в Советском Союзе турбины не могли делать таго плана, такой мощности. Все эти турбины были закуплены в Америке за золото. Золото оттуда брали, арестовывали людей, я тебе уже рассказывал, называлось это золотуха, открыли торгсины. Что такое Торгсин? Торгсин — это магазин, где продавали продовольствие и промтовары только на американские доллары и на золото. Вот ты принес кольцо золотое, его взвесили, оценили, скажем в 50 рублей, на 50 рублей ты мог взять то ли пшено, то ли сахар, то ли муку, то ли любые крупы, то ли материал на брюки. Это Торгсин был. Их было очень мало. И люди вынуждены были туда носить, потому что голодали, ничего не было в магазинах. Кроме того, многие, которые до революции прилично жили, которым оставили наследство родители, их арестовывали и говорили: Иван Иванович, у вас золотишко есть дома? — Нет, откуда у меня золото, вы что! — В камеру, сиди. Сиди сутки, двое, трое, голодный, все, потом его вызывают ночью на допрос: ну как, решили, отдадите или нет? — А у меня нечего отдавать. — Все, согласно приказа министра обороны от такого-то вы подлежите расстрелу. Выводят. Выводят будто бы на расстрел. На машину сажают, везут. Что ему делать? Откуда он знает — расстреляют его или нет. Он : ну ладно, поехали домой, и отдает. Так посадили Наума.

— **Как?**

— Вот так. твоего деда.

— **У него что, золото было?**

— Посадили. Нет, у него золота не было, но он работал до революции приказчиком у хозяина, а раз он работал приказчиком, значит в те годы люди жили прилично. И он мог иметь. И вот его посадили в 32 или...

— **Тогда же могли в лагерь на всю катушку.**

— Вот, его посадили и требовали у него золота, а у него золота не было. Ему тоже грозили расстрелом. А он — нету, нету и все. И потом выпустили. Один или два раза его сажали, я не помню. Да, еще кроме то-

го, что он работал приказчиком, так он в годы нэпа, 26-27-28 год, он имел свое собственное дело, то есть свой магазин. Нэпман был, из-за чего Монька имел очень большие неприятности. Он был лишенец. Лишенный права голоса.

— **Монька?**

— Не Монька, а Наум. Потому что все нэпманы были лишенцы, лишенные права голоса. А Монька хотел поступить в комсомол, в партию, а — твой отец лишенец был, нэпман. Нэпман это было, как бы тебе сказать, такое слово, чуть ли не враг народа. Уже после того, как с новой экономической политикой Сталин покончил, разогнал. Это Ленин ввел нэп, при Ленине. Люди вот так стали жить!

— **Хорошо.**

— Нет так, а вот так. Хорошо стали жить. А Сталин это все прикрыл. А это ленинская идея была. Почему стали хорошо жить — потому что сказали: берите все в свои руки, открывайте торговлю, промышленность разворачивайте, — а люди все, которые были при царской власти хозяевами, держали свои магазины, фабрики, заводы, предприятия, они все живы были. Почти все живы были. Толковые люди, они все это развернули быстро. И дело пошло. Вот сейчас в эту перестройку не было людей, которые знают дело. Откуда вот сейчас эти перестройщики вышли? Секретари райкомов, обкомов, что они знали? Ничего. А то были настоящие деловые люди. Монька из-за отца имел неприятности в этом плане.

— **Его в комсомол не приняли.**

— Не принимали, препоны... Потом приняли, и в партии он был. И в партии имел препоны. Как же, отец — лишенец, что ты! Ты спросил о Запорожье, так я тебе говорю, что очень бурно стали расти население...

— **То есть совершенно случайно, в общем-то, был маленький городок такой...**

— Маленький провинциальный городок. Начало бурно расти население и в основном за счет крестьянства. То есть на все эти заводы, фабрики, электростанции, вот эти строители, которые строили Днепрогэс, они остались обслуживать все эти заводы, фабрики, которые были их руками построены. И город стал расти, для них стали строить дома, сначала бараки, потом нормальные дома.

— **А почему все же крестьяне в гражданскую войну поддерживали Махно? Ведь очень много у него..**

— Я тебе и говорю, потому что он провозгласил свободу крестьянству, обеспечить их землей, а крестьянину всю жизнь простому труженику села, деревни мерещилась своя земля, они никогда не имели своего надела. Кулаки были, помещики, а крестьяне были батраками.

— В итоге потом большевики как бы перехватили лозунги у Махно?

— Нет, они не Махно, они свой лозунг выдвинули, я же тебе сказал: Земля — крестьянам, вся власть — Советам. И этим самым обдурили народ. А что получилось? Ни одного гектара земли не отдали крестьянам. Из миллионов гектаров, которые в России были. Стали образовывать колхозы.

— Колхозы стали образовывать где-то в 28 году

— Да, в 28. А в 25 еще были крестьяне, еще были кулаки.

— А кому все-таки землю раздали в 25?

— Никому.

— Значит, ничья была?

— Ничья! Кулаки хозяйничали на ней.

— Но кулаки — это же обычные крестьяне зажиточные.

— Советская власть никому не отдавала землю. Как были крестьяне вот эти, кулаки работали, кулак что такое? кулак — это зажиточный крестьянин.

— А земля чья? Откуда у кулака земля? Купил где-то — у кого?

— Ему досталось от царской власти.

— В каком году?

— В пятом году. В седьмом, восьмом.

— Нет, ну о какой земле шла речь-то?

— О той, которой он выращивал пшеницу. Он работал, у него наемные работники были, батраки.

— Да нет, вся земля она была чья-то — помещичья, чья?

— Помещичья и кулацкая.

— А помещичью землю кому отдали?

— Никому!

— То есть как никому? Государству?

— Начали образовывать колхозы.

— Но колхозы в 28 были. А в 26-м что было?

— Работали помещики и кулаки.

— Помещиков то не было в 26-м.

— Были.

— Откуда же они?

— А вот оттуда. Остались еще. Кулаки и помещики.

— Да нет, откуда ж кулаки-то, чья земля была?

— Кулаков разгромили, знаешь когда?

— Да нет, кулаки — черт с ними, а помещики?

— Помещичьи земли кулаки захватили. Богатые крестьяне вот эти.

— Захватили?

— Да.

— А кто им позволил?

— А кто тогда вообще...

— В 25-м году власть советская.

— Тогда драчка была в верхах. Они не могли разобраться с властью в Кремле. Оппозиция была, и Троцкий против Сталина, Зиновьев и Каменев против Троцкого, Бухарин против Сталина, Сталин против того... Такая драчка была. Там не поймешь. Процесс за процессом анти-советские были. А фактически взялись за крестьянство в 27-28-м году. Начали организовывать колхозы. Здесь бардак пошел. Они не хотели, крестьяне, идти в колхозы. Почему, я тебе скажу почему, потому что вот эти кулаки, которые использовали простых крестьян, они какую-то часть земли выделили простым крестьянам, и крестьяне были довольны. Урожаи были хорошие, каждый клочок земли засеивался. Все было нормально. Если б не было этих колхозов, Россия бы стала на ноги значительно раньше, и не голодали бы, не было бы 32-го года, не было бы карточной системы, ничего. Потому что Россия до 27-го года вывозила за рубеж зерно, мясо, сало, и все с/х продукты.

— Но тогда бы кто промышленность строил? Кто бы строил заводы? Кто бы строил Днепрогэс?

— Построили бы, если бы не было бы этого колхоза коллективного крестьянского. У них забирали, у крестьян все, у него оставался пуд зерна и семья, десять человек детей, забирали все, они подыхали, когда шла коллективизация. В 31-м году мне было десять лет.. Но я помню, когда началась коллективизация и когда к нам заползали — не заходили, а заползали опухшие крестьяне. Которые вымирали, несколько миллионов человек на Украине только вымерло от голода в эти годы. Годы коллективизации. А до коллективизации они очень хорошо жили после революции несколько лет.

***

— Вот гостиница "Москва" и здание Манежа снести, например, и вот туда до Библиотеки Ленина, — вот такая площадь была громадная, незаасфальтированная, конечно. Земля. И туда съезжались на подводах крестьяне, в особенности они проезжали туда в пятницу, субботу, воскресенье, Там сотни тележек было, подвод.

— Что они продавали?

— И вот что они продавали? В мешках зерно мука, крупы, фасоль, горох, дальше, молочные продукты, молоко в бидонах, сметана, масло

сливочное — в магазинах тогда этого не было. Сливочное масло, творог, сыры, мясо. Как мясо в ???, так и живое. Ты посмотрел бы, сколько... На этих подводах стояли большие клетки для птицы, там были цыплята, там были куры, там были гуси, там были индюки, там были утки, тысячи, тысячи! и все очень дешево.

— Почему?

— Потому что много было, конкуренция была. Много было.

— То есть вы в это время ходили и продавали воду?

— Нет, не тогда. Я ходил продавал воду в голодуху, в 33-м, когда ничего не было, ни куска хлеба, карточная система была. А здесь, ты что!

— То есть вы помнили все эти рынки?

— Ну а как же! я же ходил с родителями на рынки. Мы туда ходили, еле-еле с рынка уносили все. Покупали сразу три-четыре курицы живые, муку, масло постное и сливочное масло, и творог, и молоко, и как мы только перли это все! Тележку нанимали даже. А семьи большие были, так там на рынке прямо телегу брали и везли домой на неделю, заготавливали. Понимаешь? А уже потом, когда стала начинаться коллективизация, перестали сеять, перестали пахать, перестали скот выращивать. И все погибло на корню.

— Зато всех крестьян выселили из деревни, они побежали в города и стали работать на заводах.

— Ну, не все, а многие стали работать на заводах. Куда им было деваться? Пока эти колхозы организовались. А в колхозе как работали? В колхозе добре жить.... Сейчас я тебе скажу, частушки пели... В колхозе добре жить, один робит, семь лежит. Знаешь что такое? Вот так они работали. Не хотели работать. Потом заставили, но уже, конечно, не то.

— А до войны тоже были такие богатые рынки?

— До войны — да. До какой войны?

— До первой мировой?

— Да. Родители говорили, отец мне рассказывал. Очень богатые рынки в Запорожье. И все было дешево — копейки, гроши. А в годы нэпа восстановили довоенное все, было как до войны. А потом все испортили. Это была крупнейшая ошибка большевиков, что они колхозы начали затевать. Во-первых, угробили очень много народа, самого производителя сельского хозяйства, самых знающих людей всех пересажали, в Сибирь, они повымирили. А осталась рвань одна, которая ничего не знала. Вот я работал после войны, не знаю, тебе рассказывал или нет, с одним бывшим кулаком. Звали его Андрей Андреевич. Красивый мужик, толковый, из Рязанской области. И он мне рассказывал. Он старше меня намного был, если мне было 25 лет, то ему было 55, на 30 лет старше. Так он жил с родителями в Рязанской области, родители

потом... Крестьянин! Родители были зажиточные крестьяне, то есть у них было пара лошадей, две-три коровы, несколько овец, свой дом, птица разная и, не знаю сколько, удел земли был. И они это обрабатывали каждый год, он мне рассказывал: клочка земли у них не пропадало, снимали хорошие урожаи. Везили свою продукцию — мясо, сало, масло, молоко, молочные продукты, — везили в Рязань. Там 20 километров от Рязани его деревня была. Родители поумирали, он уже стал, свою семью имел, и его дети уже стали — все делали: пахали, сеяли, косили, все! И вот так жили. А когда началась коллективизация, то его за шкуру в железнодорожный вагон и в Сибирь. Его, жену и детей. Коров, лошадей, свиней и всех прочих забрали. Хату забрали, у кого сожгли, у кого забрали. А он, когда их через Москву везли в Сибирь, удалось сбежать из этих вагонов, с теплушек... С женой, со всей семьей. Убежал на Казанском вокзале, где-то поезд товарняк остановился...

— Подкупил проводника?

— Не знаю. И им удалось бежать. И он скитался здесь по Москве, жена пристроилась домработницей, он устроился дворником — снег колоть, тогда не было машин — скалывали снег, вот на такой работе... Жил — я был у него, — в подвале, там где проходят все трубы туалетные, без окон, без дверей, без ничего. Вот так они жили там, постелили доски какие-то, на досках спали в глубоком подвале, в центре, я был у них. Глубокий подвал, канализационные трубы и из них постоянно текло, капало, так он сделал такие из жести желоба, по желобам вода стекала и в ведро, а потом выливал на улицу. Окон не было. И так он жил. Он, Андрей Андреич, жена Настя, и что-то четверо детей подростки. Вот что сделали... А он был труженик, знал, — он мне говорил: Миш, у нас ни агронома не было, ни хрена не было, но я в поле выходил весной, в марте возьму горсть земли в руки, вот так вот разотру — "Настя! Завтра пахать едем!" Запрягает лошадей, начинает распахать свое поле. И так они вот трудились. Он говорит, дети мои летом только рассвет — 4 часа утра, он уже их подымал косить сено. Сено косить, потом другие там культуры косить, молотить, все это они своими руками делали, излишки продавали. И так каждый труженик, тот, который хотел работать, а лодырь, пьяница, конечно, ничего не имел. А вот это ядро крестьян, основа крестьянства, на чем стояла вся Россия, ее разгромили, это ядро. Поэтому стал голод, нищета, закупать стали зерно. Россия! с такими угодьями! трудно себе представить, какие угодья и на Украине, и на Кубани, и в Сибири, — везде, и она закупает зерно на десятки миллионов долларов. Что это такое, скажи? Так не только зерно. Ведь закупают и мясо, и молоко, и все закупают за границей.

— Зато построили танки, подводную лодку, и в космос запустили спутник...

— Да, и кушайте этот космос.

— А американцы не смогли запустить.

— Ну кушай, кушай его. Жри эту ракету. Ты знаешь, до чего дошло? До чего дошло, Ельцин говорит? Есть на заводе Уралмаш завод, это крупнейший завод, Нижний Тагил, это танковый завод. И вот уже в годы перестройки... еще нет, не началась перестройка, но вот-вот, при Брежнев, они изготавливают танк — да, танк выходит, мощнейший танк, Т34 или какой, а он не нужен уже, он не нужен просто! Вот как в войну начали делать, так и клепали. Выходит из ворот танк готовый, идет дальше в другой цех, там его разбирают и переплавляют. Это в докладе Ельцин рассказывает. Вот такая у нас экономика.

— Значит, не нужно было космонавтов пускать, Гагарина пускать, ракеты?...

— Это нужно было, но это не так, как у нас это делалось. Вот американцы тоже запускали, но тем не менее они живут не так, как мы.

— Но у них-то изначально все...

— Почему? Германия, побежденная, разоренная, так быстро встала на ноги после этой войны, второй мировой войны, и процветает, буквально через несколько лет она стала процветать, — почему? А Россия — вот уже сколько после войны прошло — более пятидесяти лет, и она в нищете сидит. Не может обеспечить свое население. Так вот, сразу после войны собрались министры иностранных дел четырех держав победителей — Америка, Россия (СССР), Англия и Франция. Молотов, Бэрин (?), Бидо и Бирс. Министры иностранных дел. Да в Америке был Маршал, сейчас я уже не помню — или Бирнс, или Маршал. И американцы предложили, Россия была разоренной, известно, немцы же такую землю оккупировали, такую территорию — всю Украину, всю Белоруссию, центральные области, Кубань, Кавказ... Они предложили России, Советскому Союзу — был во время войны лендлиз. Знаешь, что такое лендлиз? Это давали оружие, и продовольствие, и прочее, а после войны должны были наши рассчитаться. Так вот, предложили России американцы большую, колоссальную сумму денег — миллиарды долларов на восстановление своего хозяйства, промышленности, сельского хозяйства и прочее. С последующей выплатой, как было по лендлизу. С каким-то процентом. Наши отказались. Все страны, которым Америка предложила, они с радостью взялись за это, кроме сателлитов российских, кроме Польши, конечно, они же подчинялись России. Значит, взяла эту помощь Германия, Франция, пострадавшая, ну и другие страны. И вот благодаря этой финансовой поддержке они сумели свою промышленность в течение буквально пяти лет всю перестроили по-новому, все восстановить и процветать. Ведь наши когда оккупировали Восточную часть Германии и Восточную Пруссию, то вывезли оттуда со всех заводов все оборудование — станки, опустошили

немецкие заводы. Так немцы потом говорили: "Спасибо России, что они все у нас вывезли. Мы вместо этого устаревшего оборудования поставили все американское, новое оборудование, которое отвечало последнему слову техники. На этом новом оборудовании они стали изготавливать уже свои станки. А наши на этом говне так ничего и не могли использовать. Я видел это оборудование, которое привезли из Германии, — как оно валялось под открытым небом, что-то ржавело... Что-то успели установить, что не успели — бесхозяйственность полная. Там как? Я был в Германии. Там хозяин завода — хозяин, это его собственный завод, он смотрит: мне надо поставить здесь десять токарных станков последней модели, десять фрезерных станков и еще других. И он уже подбирает какие, что, заинтересован, для того чтобы выпускать хорошую, требующуюся, имеющую спрос продукцию. А у нас? Вот ты у меня спрашивал, я работал в Тушино, а в Тушино два крупнейших авиационных завода. Туда привозили это оборудование, мне ребята, которые на этих заводах работали, рассказывали — привезли, бросили. Разгрузили во дворе, так они стоят месяц, два, три, ржавеют. А потом начинают думать, куда поставить, — там же свои станки стоят. И вот так вот у нас по бесхозяйственности, что поставили, что не поставили, что в металлолом увезли. Говно это привезли, которое отработало у них десять, двадцать лет, привезли сюда. А кому оно уже нужно тут?

— Но ведь это не так просто везти, тяжелое же все.

— Состовами возили, не один год возили. Много лет возили. Вот так.

— А в артель не могли продать все это?

— Подавали. Вот я работал в артели, я поехал в Тулу в командировку, меня послали, — выбирать оборудование для нашего цеха. Я приехал в Тулу на одно предприятие, получили из Германии. Я как посмотрел — нам надо было несколько сверлильных станков подобрать, — боже мой! Все переломано, перекалечено, ржавое, на одном мотор стоит, на другом мотора нет, разворовали, раскурочили все! Все, что можно было, я выбрал, но что это из себя представляло... Вот так.

— Ну, про артель в следующий раз.

***

В 1925 году, когда твой отец родился, в Запорожье, мне было 4 с половиной года, в Запорожье приехал Лев Давыдович Троцкий. А он тогда был Председатель Реввоенсовета Советского Союза. В городе были расклеены афиши - Граждане, желающие прийти послушать Троцкого, просят прийти в городской сад, в 5 часов вечера. Он будет там выступать. Туда весь город ринулся. Лавиной. В горсад, он там выступал, тогда не было микрофонов - все старались поближе подойти и слушать его выступление. Он был один из блестящих ораторов в России без бумажки. Ну, произнес речь, меня, конечно, это не интересовало - мне

было четыре с половиной года, я бегал там, а родители были и брат старший.

Но потом он уехал, через какое-то время вот здесь, в Москве у них распри получились между ним и Сталиным, в Центральном Комитете. Его исключают из партии. Троцкого. Через какое-то время его выдворяют из Советского Союза. И он становится врагом номер один. Так вот, в 37 году, когда начались репрессии, припомнили это, что Троцкий приезжал в Запорожье, выступал в горсаду. И 75% из тех, которые слушали Троцкого, были репрессированы. Которые пришли на митинг. Понял?

- А кто доносы писал?

- Никто не писал.

- А как узнали, кто был, а кто не был?

- Как? А я тебе сейчас расскажу как. Тебя арестовали. Тебя вызывают на допрос. Иванов! Скажите, кто был с вами на этом митинге? Я не помню. - Как это, не помните! Рядом с вами сосед... - А, да, Степанов был, правильно! Степанова тоже: Гражданин Степанов, а кто рядом с вами был? - Да я не знаю, откуда я могу помнить, что было 15 лет тому назад! - Нет, но все-таки, а вот сосед ваш, этот, Петров, не помните? - Да, что-то припоминаю, по-моему, он тоже был. Вот так вот брали.

Кроме того, тогда было не так, как при Советской власти, были митинги на предприятиях, на заводах, и, знаешь, там голосовали. Только не тайно, бюллетеней не было, а вот так, руки поднимали. Как вы считаете, Ленин правильную политику ведет? - Да, правильную! - Кто за ленинскую политику? - Троцкий правильную политику ведет? - Да! - за Троцкого поднимают руку. Зиновьев правильную политику...? - За Зиновьева. В 37 году все, которые голосовали за Зиновьева, Каменева, Троцкого и других, всех взяли.

- А все же голосовали?:

- Почти всех, я тебе говорю. Вот у нас окружение, соседи, - всех поарестовывали. И все дрожали. Анекдот рассказал какой-нибудь - все, готов. Я тебе больше скажу. Значит, донос. В каждом подразделении в армии, в каждом взводе, а взвод - это 15-16-18-20 человек, был стукач, завербованный. Началась война. Мы все в щели прячемся, в окопы, один солдат ходит: Что такое? одни немецкие самолеты, а где же наши? Где же наши самолеты? Говорили, что у нас авиация такая мощная - ни одного самолета нет! на завтра этого парня забирают. Который говорит, где же наши самолеты. Уже стукач этот доложил, что он возмущается, что у наших самолетов нет.

- Там знали, кто стукач?

- Знали, только догадывались. Но в каждом взводе было четыре-пять человек стукачей. Вот я тебе скажу теперь. У меня был командир во

время войны, командир Вася Бугаец (?), он украинец был. Я ему подчинялся, лейтенантом был. И он, в первые дни войны (он не в нашей части был) попал в окружение, когда отступали, не отступали, а бежали, драпали так, что ... Его окружили на правом берегу, окружили немцы, не его, а там тысячи людей. И его окружили. Ему удалось бежать из этого окружения. И куда бежать? На восток, на восток! За отступающими советскими войсками. Добежал до Днепра. На другой берег плыть - а там уже советские войска. И вот его снова поймали, на берегу Днепра, связали и ночью должны были расстрелять.

- Немцы?

- Немцы. Конечно, немцы поймали. А он хорошо плавал очень. И вот их положили нескольких человек связанных на берегу Днепра, а там заросли, кустарники такие... Руки связаны, ноги связаны и часовой ходит. Играет на губной гармошке - они все на гармошке играли. И вот он отходит когда дальше туда, а он лежит и руки себе постепенно, постепенно освободил руки, но лежит, как будто связан. Часовой отходит. Он себе ноги распускает. Часовой сюда - а он опять так лежит. И в один прекрасный момент, когда - ночь, темно, часовой - ??, а он раз, через кустарник, и поплыл. А не слышно ничего, там стрельба где-то идет. Он, когда переплыл Днепр, наши его - хлоп! Ага! Шпион! Немцы, значит, тебя прислали. Почему тебя не расстреляли? А тот: должны были расстрелять, утром, а я развязался и убежал. Три месяца его мордовали вот так вот. Это не только его. И потом все-таки отпустили. Отпустили, и он попал в нашу часть. А он инженер был по образованию, он старше меня лет на пять был, Одесский институт связи кончил до войны. Толковый парень был. И вот в нашей части я ему подчинялся, еще один сержант. И вот мы, значит, с ним работаем. Ремонтировали радиоаппаратуру. Однажды, в 42-м году мы уже были под Новороссийском, нас загнали немцы, там же предгорья Кавказа начинались, и мы в лесу стоим, а фронт подходит вот здесь, у Новороссийска. Днем нос высунуть нельзя - обстрел артиллерийский, самолеты, только ночью можно было, кухню топить - только ночью, дым идет - чтобы не было видно. И когда наутро мы идем, заморенные, голодные, вшивые, худые, идем с котелками к этой кухне. Идем по тропинке в лесу к этой кухне, иду я вот так, шинель обожженная, грязная, иду с котелком. Слышу: сзади кто-то идет. Идет какой-то солдафон. Он меня обгоняет и так плечом меня - раз! Я смотрю на него - капитан Зайцев, я его знал. Это главный кэгебэшник в полку был. И он говорит: я тебе буду говорить, а ты меня слушай. И о нашем разговоре никто не должен знать - идет рядом со мной и смотрит на меня. И говорит: "ты мне должен все докладывать о Бугайце: что он делает, как он себя ведет, слушает ли он иностранное радио, понял? Все. Об этом никто не должен знать". Ну, думаю, все, я на крючке. И все, он ушел.

Я шел, пошел до кухни дошел и жрать не хочется. Если не будешь ему докладывать - значит, тебя забирают. если никакой компромисс ты не найдешь. Я, конечно, никому ничего не сказал, ни этому Васе, никому. И решил не докладывать. Он ко мне не приставал, я ему не докладывал. Но прошло месяца три-четыре, слава богу, его куда-то перевели в другую часть, прислали другого. "Ой, слава Богу!" - думаю. Вот так они вербовали, понял? После войны только, через много лет после войны я этому Васке - он здесь, в Москве - я ему это дело рассказал. Когда я ему рассказал, он весь побледнел и говорит: "А я все равно знал, что за мной следят". Вот так. Вот как они работали. Везде, в каждом подразделении.

Вот сейчас, в газетах написано, "вот, мы футболисты или артисты, вот, Магомаев пишет: "Мы были посланы в Италию на стажировку в театр Ла Скала - Атлантов и еще там несколько больших актеров. Италия - благодатная страна, девочки там, но мы знали - вот у меня статья в газете, - что среди нас есть один стукач. Мы не знали точно - кто, но знали, что есть. Потому что каждую группу, которую посылали за границу, обязательно был завербованный один. И мы боялись вечером выйти в город, познакомиться с какими-нибудь девочками, пойти в рестораны, потому что мы были под постоянным надзором.

Везде, во всех учреждениях, в армии, на заводах, на фабриках - везде были стукачи. Ты говоришь - донос писать. Зачем писать? Пошел, слово шепнул - он анекдот рассказал, все, готов ты. До свидания, Это сейчас разболтались, чего хочешь говорят, тогда надо было замок держать. Ты представляешь, он сказал: "Где же наши самолеты? Говорили, у нас авиация самая сильная в мире, они долетят не только до Берлина - до Америки. А где же они?" Все, его уже не стало. Этот, Герой Советского Союза, писатель, - как его фамилия, я забыл уже, - он был в училище в Ташкенте или в Алма-Ате, училище артиллерийское. И вот они там изучают все, война уже идет. Тогда изучали историю Красной армии, гражданскую войну. И вот они листают учебник - в учебнике, конечно же Сталин, Ленин. Троцкисты уже были расстреляны. Ворошилов, Буденный.. Вот он смотрит на фотографии в учебниках, а там фотографии: Сталин - два ордена Красного знамени на груди, Ленин - один орден Красного знамени. Как же так получается? У Ленина один орден Красного знамени, а у Сталина - два. За что это? Все! готов! Десять лет. И он сидел в лагере. И он одно письмо пишет, второе письмо, третье и, наконец, одно письмо дошло до Калинина. Знаешь, кто такой был Калинин? Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Кстати, у него жена сидела, вшей там кормила. Написал Калинин: "Ради Бога, Михаил Иванович, я ни в чем не виноват, пошлите меня на фронт. В штрафную роту, в штрафной батальон, но на фронт пошлите". Его послали. Дошло одно из писем. А как он отдавал письма? Там

пригоняли рабочих работать, и как-то они сумели передавать. Его вызвали, послали на фронт. И что ты думаешь, он в разведке был. Ночью шли в тыл, в тыл немцам. Успешные операции проводили, громили их штабы, подразделения, взрывали технику и прочее. Возвращаются обратно - ну как? Успешно! Всех награждают, его нет. Всех награждают - его нет. И так несколько раз. Потому что он уже был на крючке, как враг народа. Вот так было.

****

Как старики рассказывали, соседи, отец, братья.

- **Но сами вы, конечно, ничего не помните?**

- Конечно. Я родился уже после гражданской войны.

- **То есть вы родились в двадцать первом, она закончилась в двадцать втором?**

- В двадцатом. В двадцать втором Владивосток взяли, в двадцатом году Крым освободили. Я когда призван был в армию, мы изучали историю гражданской войны, и я хорошо знал это. И читал много о ней. Ну, а если тебе рассказать о детстве. Значит, я помню свое детство примерно лет с пяти. Рос, дом у нас был очень приятный, соседи были разных национальностей. Русские, украинцы, евреи, поляки, латыши, греки, и жили все в мире. Ну были, конечно, мелкие стычки по поводу неправильного сбора денег за воду, а вода была колонка в центре двора. Платили по 7 копеек с человека в месяц, по 10 копеек. Почему по десять в этом месяце, а не по восемь? ну такие вот мелкие. Рос я в этом дворе, очень интересно было. Товарищи у меня, как правило, были старше меня. У меня был самый лучший мой товарищ, он по национальности - отец у него был поляк, а мать украинка. Виктор. Его прекрасно знали и Монька, и Аркадий. Савва его не знал, отец его не знал. Я с ним дружил, у них дома бывал, все время, постоянно. И так мы с ним все водились, потом вот с этого раннего возраста отец мой, а Наум с Фрумой и со своими детьми жили у нас дома, в нашем доме. Дом наш помещался в центре города, в самом центре, раньше она называлась улица Соборная, а затем стала Карла Либкнехта. В самом центре, напротив..

- **А ваш отец женился, сколько ему лет было, во второй раз?**

- Не знаю. Ты слушай. Стоял напротив наших ворот памятник Дзержинскому. Так отец, я уже когда подрос, мне стало лет 8-10, а мы в школе учили - Железный Феликс, и все прочее, боролись за коммунизм, за социализм и все, так мне отец, нагибался ко мне и натихаря мне говорил на ухо - это самый главный бандит. Я говорю - папа о чем ты говоришь? Ты же ничего не знаешь. В годы революции он был начальником ЧК, расстреливали самых порядочных людей в городе - вот

ЧК расстреляло их Почему? Только лишь потому, что они порядочные люди были, владельцы магазинов, частных домов, пекарней, и все прочее. И всех собрали и расстреляли. Поэтому отец его называл "самый главный бандит". Вся семья Наума жила у нас, в нашей квартире. Отец мой, он был верующий человек, решил учить меня Моньку и Аркадия древнееврейскому языку. Почему? Еврей был?

- **Вы все на идише говорили?**

- На идише говорили, а иврит - это язык, как тебе сказать, в синагогах все молитвы идут на иврите, и еще были до этого, я уже не застал, такие еврейские школы, где изучали только иврит. По-моему Наум тоже ходил в такую школу. Ну вот, нас отдали, я тебе говорил, когда, не отдали, а к нам домой приходил старик, ему было наверное 75-80 лет, с большой бородой. Он приходил к нам домой, садился за стол и мы втроем, пацаны - я Монька и Аркадий, - сидим, и он нас учит азбуке и чтению на иврите, и мы сидим повторяем за ним: ??? (первые буквы алфавита), повторяем, читаем, повторяем, читаем, а он уже старый человек был, и он так нагибал, нагибал голову, пока не засыпал. И спал, а мы сидим. Мы видим такое дело, что он спит, мы в окно и убегали. Родители видели, что это бессмысленная трата денег, и рассчитались с ним. Перестали заниматься.

- **А отец знал иврит ваш?**

- Ну, не полностью знал. Читал, свободно читал на иврите.

- **Читал Библию?**

- Да, Библию, потом молитвенник такой толстый, называется Хумш. Отец ходил в синагогу, а в пятницу вечером уже евреи, набожные евреи, который идет в синагогу молиться богу, он не имеет права ничего нести. Значит, наступает суббота, вот как в Израиле сейчас, шабас по-еврейски, наступает в пятницу вечером, он идет в синагогу. Так он меня просил, чтобы я этот молитвенник нес, я, пацан, имею право нести, а он нет. Я его провожаю до синагоги, отдаю ему молитвенник, и он говорит: в три часа дня придешь, я тебе отдам его и опять домой отнесешь. Он будет свободный идти. Ну а потом наступили годы постарше, мы подросли, ? отдали в школу, Аркадия отдали в школу, они уже переехали в другую квартиру, Наум со своей семьей переехал в другую квартиру.

- **В одной комнате жили?**

- Нет, целую квартиру они сняли на Московской улице. Московская улица раньше называлась она, а потом ее переименовали, стала называться улица Кирова. Они пошли в школу. В восьмую трудовую школу мать их отдала. А я позже них пошел, в четвертую трудовую школу. Между прочим, четвертая трудовая школа, в которой я учился, это была элитная школа, то есть там учились дети бомонда. Знаешь, сливки

общества, дети сливок, основных врачей, адвокаты, крупные инженеры, там их дети учились, в том числе и я. Шпаненок.

- **А отец ваш кем был?**

- Он был обычный работник, шапочник. Кустарь-шапочник. Шил картузы. Такие, как армейские сейчас. Имел, содержал свою мастерскую, наемных рабочих не было. Вывески были. А уже после революции он стал, переквалифицировался, потому что картузы уже не в моде были, не шли, он шил картузы и сам ходил на рынок и продавал их. Один картуз стоил 40 копеек. Как он рассказывал, однажды пошел - торговли никакой нету. Отнес там три-четыре картуза, целый день ходил по рынку и не мог продать ничего. Потом к нему подходит один крестьянин, говорит: "Слушай, мне нужна пара картузов, но у меня денег нету. Возьми лошадь у меня." А он подумал, отдал ему два картуза, а тот лошадь отдал ему.

- **Неужели лошадь так дешево стоила?**

- Да, такое время было. Картуз 40 копеек стоил.

- **А лошадь восемьдесят?**

- Да, ну она была молодая, не взрослая лошадь, а жеребенок. Привел ее домой, а кормить же надо. Там же овес, там такая возня была с ней, он не знал, что с ней делать. Вот такая жизнь была. А потом, когда я пошел в школу, пошел я в школу в 1929 году, в первый класс, мне было восемь лет. Стал учиться в первом классе, 29-й год, 30, 31... Наступает 32-й год. А в 29 началась коллективизация по всему СССР. Что это значило? Силой крестьян сгоняли в коллективные хозяйства, то есть колхозы. Тогда еще не знали, что такое колхозы.

До этого было раскулачивание зажиточных крестьян, настоящих хозяев, которые имели пару лошадей, корову и пару коров, их раскулачивали и всей семьей выслали. А вот эту нищету начали сгонять в колхозы. Они сопротивлялись, не хотели идти. Каждый хотел удел свой иметь. Свою землю. Так как обещала им Советская власть. Я немножко отойду от этого. Дело в том, что когда началась гражданская война, и Советская Россия оказалась в тяжелейшем положении, блокада, с востока подошел к Оренбургу Колчак, занял Самару, Ульяновск, Колчак.. Сюда к Москве подходил Деникин со своей армией, дошел до Тулы. С севера Юденич и другие генералы, с Кубани - Краснов, Калмыков, в общем Советская власть была на грани катастрофы. А в армии практически находились одни крестьяне - их мобилизовывали. Так для того, чтобы поднять дух армии, а царская армия развалилась в первую мировую войну заканчивалась - она развалилась. Ленин выбросил лозунг: Земля крестьянам, вся власть советам, - а что такое земля крестьянам. Он сказал, что после восстановления мира и разгрома интервентов, то есть вот этих царских генералов, земля будет распределена

между крестьянами, а это голубая мечта всех крестьян, всех времен. В царской России было крепостное право, это когда крестьян могли продавать как скот, один помещик продавал другому, и они не имели ни паспортов, ничего, ну скот. А здесь Ленин обещал распределить землю среди крестьян - ты представляешь, то, что им необходимо было. И они с энтузиазмом стали воевать и в результате - это длинная история, конечно, - разгромили всех врагов советской власти. То есть всех царских генералов - Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и так далее. И вот вместо того чтобы после революции разделить эту землю, как Ленин сказал, а Ленин умер в двадцать четвертом году, уже к власти пришел Сталин, он ни одной пяди земли не разделил среди крестьян. А наоборот, затеял эту коллективизацию, которая в результате привела к нищете всей России. Если Россия до революции вывозила зерно и другие продовольственные товары, в том числе мясо, сало и все прочее, то после коллективизации начали ввозить. И вот началась эта коллективизация, крестьяне сопротивлялись, они не шли в колхоз. Не шли в колхозы.

- А вы это как чувствовали в 29-м году?

- Вот ты слушай. Мы это в 29 году не чувствовали, а в 32 уже почувствовали, потому что крестьяне не засеивали поля, осталось не засеяно, потому что у них все отобрали, то, что у них было, у крестьян, вплоть до килограмма пшеницы, все забрали. Они были обречены на вымирание. И вот в 32-м году уже дошло до того, что эти крестьяне вползали - не заходили, вползали к нам во двор на четвереньках, распухшие от голода. Это я видел своими глазами. И они на четвереньках доползали до помойки, это выгребная яма, туда помои сливали, из ведер ночных. И они там выбирали какие-то косточки, облизывали, хуже чем собаки. И в результате ввели карточную систему, через каких-нибудь 13-14 лет после революции, когда на Западе уже процветало все, ввели карточную систему на все продукты, в том числе и главное - на хлеб. Рабочий получал 400 граммов хлеба в день, а иждивенцы 200 грамм. Как ты думаешь, никакой крупы, ни сахара, ничего. Короче говоря, народ стал голодать. И наша семья, и семья Наума, где жил Монька, Аркадий, я тебе уже рассказывал, Савва, но Савва меньше это дело помнит.. Что я делал в это время? Голод. Я летом в жаркое время брал ведро, чистое ведро, шел на рынок, набирал в это ведро воды, и там развозили лед, холодильников не было до войны. Развозили лед на таких подводах. С Днепра. Ранней весной, в марте заготавливали этот лед в ледники. Ледники - это такие кирпичные ямы, выложенные кирпичом, туда его свозили, этот лед. Потом сверху закрывали брезентом, потом соломой, а это в сарае все было, и он так сохранялся все лето. А летом развозили по мясным лавкам, где газированную воду, привозили куски льда. Я этот лед воровал с этой подводы, ложил этот кусок льда в ведро с водой

чистой, две кружки у меня с ручками, и я ходил по рынку и продавал холодную днепровскую воду с подо льда. Кружка стоила 3-5 копеек.

- Это немало, картуз стоит 40 копеек...

- Нет, картуз это уже давно было, это раньше намного было. Это уже после, уже другие цены были. И таким образом в самую жару я ходил по рынку, народу много там толпилось. Ходил, продавал и, в общем, я так вот в течение дня наторговывал рублей 15. На 15 рублей можно было купить два фунта хлеба. Фунт - это 400 грамм. Вот за целый день я мог купить 800 грамм хлеба, это было большая поддержка. Вот таким образом как-то мы старались выжить.

- А почему две кружки?

Одну я набирал - чистая и полоскал эту кружку. Выливал, потом снова в нее наливал и давал пить. Он выпил, я снова брал эту кружку, полощу - со своей кружки.

- Гигиена, то есть.

- Да. Вот так.

- А вас кто-то научил это делать?

- Кто меня учил? Сам я делал, никто меня не учил. Принесу домой кусок хлеба и родители были довольны. Дальше.

- Вам сколько лет тогда было, десять?

- Лет одиннадцать. Да, лет одиннадцать.

- Большая у вас квартира была?

- Ну как большая - одна комната была метров 25, вторая комната была метров 16, кухня метров 15, коридор был метров 5, полдома мы занимали.

- И сколько людей было в семье?

- Человек шесть.

- Как же вы помещались?

- Ну так и помещались.

- Шестеро это сколько - отец, мать,

- Да.

- И сколько еще детей было?

- Я, Рая, Исаак. Вот так мы пробивались. Дальше. Ходил я на Днепр. На Днепре летом подходили баржи с нижнего течения Днепра. На этих баржах привозили помидоры, огурцы, позже арбузы, и вот там грузчики - тогда не было кранов, которые сгружали с барж. А грузчики на своих плечах по сходням в ящиках, в корзинах сгружали помидоры, огурцы, и вот мы, пацаны, туда подходили, а они идут у них выпадут пара помидор, пара огурцов, мы их подбирали. Домой принесу, вот это подспорье было какие-то. А еще воровали. Они так складывали арбузы

и накрывали большим брезентом, горы арбузов. Накрывали большим брезентом, и ходил охранник с ружьем, гражданский. И вот он ходит - отойдет в одну сторону, в другую сторону. Мы смотрим: он отойдет подальше, мы - хоп! - под брезент, арбуз сюда возьмем, за пазуху, спрячем, он отойдет - выбежим, поймаем - уши надерет. Вот так вот промышляли мы. Потом я увлекся с этим Витькой, товарищем своим, голубями. Мы разводили голубей. И это очень такое занятие, которое влечет. В Запорожье тогда почти в каждом дворе была своя голубятня. но не все увлекались. Монька, Аркадий они не увлекались.

Правда, у них во дворе большая голубятня была, хозяин был еврей, по фамилии ?. Сын у него был, Абрашка его звали, он не увлекался, а отец сам, хозяин, увлекался голубями. Я тоже увлекался. У нас была голубятня, в соседнем дворе, там где мой товарищ жил. И вот мы... Что такое голуби? У нас там было штук двадцать голубей, вот мы их сгоняли - они летают. Смотришь - чужой голубь пристал к ним, мы стараемся их посадить, поймать этого чужого голубя. А потом приходит хозяин: вы поймали голубя? Да, мы поймали. Давай выкуп. Так положено, это законное было. И вот мы вот так сгоним, смотрим, раз какой-то примазался, второй, посадим. приходит пацан, тоже нашего возраста, лет 12-13, плачет. Ревет: "отдайте моего голубя!" Чего отдайте? Выкуп давай, отдайте! Он тогда с матерью приходит. Мать такая женщина лет 40, интересная женщина, не простая женщина, а жена первого секретаря Запорожского горкома партии по фамилии Левинзон, еврей. Она говорит: "Ребята, мальчики, вы же поймали голубя, это наш голубь!" Мы говорим: "Совершенно верно, ваш. А теперь он наш. Такой закон существует. Мы же не украли у вас его. А поймали. И вот такой закон среди голубятников? - "Что вам надо для того, чтобы вы отдали нам голубя" - "Принесите нам что-нибудь покушать". - А они жили на полном довольствии. "Хорошо, я пришлю" Пацана звали Савва. Он убегает, а жили они через несколько домов от нас, там такой белый, новый дом назывался. Смотрим, этот Савва несет вот такую головку голландского сыра. Мы отдаем ему голубя, берем головку голландского сыра. И вот мы с ним делим, принесли домой - знаешь, что это было, подспорье какое? А потом мы начали увлекаться, разводить кроликов.

- На пищу?

- Да. разводили кроликов. Но это занятие не такое легкое, надо уметь и знать, как надо подбирать самочку, самца, и прочее дело, кормить их, заготавливать, косить траву, все это мы делали, а они быстро очень растут и у нас было мясо. Но это мясо мы домой не носили, потому что отец с матерью не ели это мясо. Это некошерное мясо. Евреи не едят это. А мы с Витькой ели это, аж оно трещало оно у нас под зубами.

- То есть вы не были еврей, да?

- Да.

- Почему?

- Ну, как почему... Отец ругал нас, но он уже ничего не... Что я? Я был самый младший, Наум тоже не придерживался этих правил еврейских, он знал все.

- А почему?

- А потому, уже было какое-то такое, знаешь, прокоммунистическое...

- А Наум в каком году родился?

- В 96 или 98. Тогда Науму было, ему было в 32 году лет 36. Вот так вот мы жили. Дальше я уже постарше стал, а у этого Витьки отец был очень богатый человек до революции, он был владелец нескольких дворов, а в каждом дворе был один, два, три дома, а пришла советская власть - все у него забрали, все дома у него забрали, он стал нищим, нищим. А был, отец мне рассказывал, был богатый, поляк, богатый человек очень был. И он стал в результате.. Я должен сказать, что до войны никому пенсию не платили старикам, вот ты постарел и черт с тобой подыхай, ни одной копейки никто не получал. И он был уже старый человек и он пошел работать в кинотеатр истопником. Там был у нас во дворе, можно сказать, кинотеатр "Ким", мы с Аркадием в этот кинотеатр через забор перелазили и заходили в этот кинотеатр и нелегально смотрели задаром кино. Короче говоря..

- Много людей в кино ходили?

- Да, в кино ходили. Потому что билеты довольно дешевые были и хорошие картины.

- Какие, например?

- Ну, я сейчас уже не могу, но я могу сказать, что такая картина была "Джильбарс", потом американские фильмы были с участием Гарри Ллойда и Мэри Пикфорд, артисты такие были, дальше "Джильбарс", "Большой вальс"... Ну много картин было, я уж не помню сейчас. "Чапаева"... Я с Витькой приходил в кинотеатр в котельню к этому отцу. И он топил котлы старыми билетами. Такие были книжечки, вот как одно время здесь в Москве были такие книжечки в метро. А потом они как-то ликвидировались, стали другие, а эти в топку пошли. А я набирал эти книжечки. просто так, пацан был, понимаешь. И я набрал много-много книжечек. И вот. У нас в Запорожье был один очень хороший кинотеатр и там детские сеансы показывали. Вот там детские сеансы стоили, утренний детский сеанс 20 копеек билет. И я посмотрел как-то: в кассе продают билеты, причем без мест, а так - зайти, а садись где хочешь, - смотрю, продают билеты вот этими талончиками, которые я когда-то набрал. А у меня их гора такая. А я в школе уже вступил в кружок юных автомобилистов. Я в двух был - юный автомобилист и авиамодельный. Мы строили модель самолетов и детские педальные маши-

ны. Мы их там в школе строили, а потом я подумал: надо дома тоже сделать такой автомобиль и кататься на нем. А для того, чтобы его сделать надо какие-то затраты. А в основном затраты какие? - там надо было коленчатый вал сделать. Знаешь, что такое коленчатый вал? Вот так вот, так, два колена и на нем колеса одевались с педалями, а коленчатый вал можно было сделать только в кузне. А для того, чтобы в кузне сделать, надо деньги кузнецу платить. Кузни были в Запорожье, но частные, понимаешь?

- В советское время, частные?

- Да. Это было в 33-34 году. И у меня созрела мысль пойти домой, взять эти билеты, которые у меня сохранились, и возле кинотеатра продавать. Там очередь была в этот кинотеатр. Пацаны одни, девочки, пацаны...А я принесу, там, 50 билетов и сразу по двадцать копеек с рук, в течение 20 минут нет билетов. И я к этому делу привлек твоего отца. Ему было лет десять, наверное, а мне лет 14. И он помогал мне. И таким образом мы наторговали семь рублей. Семь рублей наторговали, пошел я начертил чертеж, пошел в кузню вместе с твоим отцом и говорю: "Дядь, вот такой мне надо коленчатый вал сделать для детской pedalной машины". Он посмотрел, там все размеры. "А деньги у тебя есть?" Я говорю, я -то знаю сколько будет стоит. "Десять рублей будет стоить". "Десять у меня нет" - "А сколько у тебя есть?" - "Семь рублей". - "Давай". И сделал, отковал коленчатый вал. Я ему сказал из какого прута, там примерно миллиметров 15 диаметром. И я стал дома во дворе монтировать эту машину. Раму сделали деревянную, помогал мне в этом деле еще младше меня один сосед наш, Толька Успенский. И мы начали монтировать эту машину. Сделали машину. Сначала одноместная, потом сделали ее двухместную, pedalную. и на этой машине вот так ногами, типа велосипеда, мы проезжали на улицу Кирова во двор к Науму. Фрума видела эту машину, Наум видел, сажал я в эту машину Савву, твоего отца, Аркадий нет, они старше были уже. И мы выезжали туда, и потом домой, на этой машине. Это было детство до пятнадцати лет. Но потом жизнь немножечко улучшилась, карточки отменили в 36 году или 35, отменили карточки и жизнь немножко улучшилась.

- А голод был на Украине?

- Так я же тебе говорю об этом, о голоде. Вымирало крестьянство. А городские люди тоже голодали, продавали с себя все. Ведь ты пойми, что в магазинах из промышленных товаров ничего не продавалось. Я имею в виду что - костюм ты не мог купить, просто не было, мужской костюм, платья тоже не было, рубашки тоже не было. А как же люди жили? Покупали материал, материалы были, и то, чтобы купить материал, надо было в очередях стоять. Давали талоны, талоны на предприятиях, по этим талонам можно было что-то купить.

- И шили ручную?

- И шили - кто сам мог прошить, а кто не мог, давали портнихе, портному.

- Было много портных, наверно.

- Да было, хватало. А причем, портные, они старались, для того, чтобы официально работать, патент надо было, нелегально все шили. Вот мне, например, отец все шил, рубашки шил, брюки шил, переделывал, и так везде, в каждой семье. Промышленные товары не продавались. Наум, твой дед, он был по профессии продавец. Приказчик тогда называлось. Он еще до революции работал приказчиком у хозяина. Ну какая там зарплата была, но что-то мог достать. Достать. Материал например. Жили они очень скудно, очень бедно. Трое детей, Фрума не работала. Но что она делала - она каждый день Науму приносила на работу обед. Принесет, картошку пожарит или суп принесет, магазин закрывался на обед, большой магазин около рынка, он там работал. Она придет, за прилавком зайдет, даст ему, он отойдет, сидит, хлебает, кушает там, а все был дефицит. Вот он, как она рассказывала, в то время, когда она ему приносила еду, он торговал чулками. Дамскими чулками и мужскими носками. А это дефицит, за ними дрались. Не было ничего! Пока Наум обедает, она из-под прилавка несколько пар чулок возьмет, носок и спрячет у себя за пазуху. Он пообедал, она берет, идет на рынок и продает эти носки-чулки, рядом продает, идет на базар и покупает мясо, продукты, готовит обед, а иначе они подошли с голоду бы. И вот так она практиковала это довольно часто. Она сама рассказывала. И ему рассказывала, а он удивлялся даже. Не дай бог, если бы он увидел, что она этим делом занимается, он бы ее выгнал бы. Вот я тебе говорю, как это было. А потом жизнь немного наладилась стали появляться товары побольше, и Наум перешел работать в более престижный магазин в Новое Запорожье, в Новый город, где Днепрогэс. Хороший, большой магазин, тоже все был дефицит, и там появились мужские пальто. Драка за ними была страшная, давка, записывались. Он мне сказал - приезжай (а мне надо пальто было купить), я тебе устрою пальто. Знаешь, что такое было пальто, без пальто? И я когда приехал, он мне действительно сделал пальто. Ну за деньги, конечно, но достать попробуй их. И вот так мы жили, до самой войны. Ну, в школе, учился в школе, голуби основное время у меня занимали, поэтому на уроки у меня время очень мало оставалось, я их почти не делал, и запускать занятия, понимаешь. Ну тянул, тройки, четверки, тройки, четверки, и двойки, но когда наступали экзамены, здесь я уже начинал сидеть за учебниками, потому что оставаться на второй год я не хотел. И когда начинались экзамены, я успешно сдавал и переходил из класса в класс. Кстати, Аркадий тот не вылезал от учебников, такой знаешь усидчивый мужик, сидел, корпел над учебниками и так он за-

кончил десять классов. Я закончил восемь классов, в девятый я не пошел - почему? Потому что мне уже стало 16 лет, и отец мне постоянно пальцем показывал - я в твои годы уже зарабатывал, а ты в эти годы, тебе уже 16 лет, ты только жрать можешь. Уже тогда я голубей, по-моему, не гонял. Только жрать можешь. И все время мне он об этом говорил.

- **А сколько отцу было тогда?**

- А отцу было уже под семьдесят, не под семьдесят, а лет 66. Конечно, ему тяжело было. Он же не работал фактически. Нелегально.

- **То есть он по-прежнему шил свои картузы?**

- Картузы уже давно отошли. Подбивал воротники мехом, приносили заказчики, он их подбирал и делал, шил. И пальто, причем это нелегально все, чтобы фининспектор не поймал. Поймает - посадят. У нас был во дворе сапожник, его поймали, без патента он работал, поймали, что он обувь там шил. И пришли, всю мебель там описали, забрали, а мебель там - говно. И все равно забрали все. Еще могли посадить. Так вот, отец мне постоянно говорил: "Я в твои годы уже работал". Я тогда говорю матери: "Хочу пойти учеником работать, только в мастерскую, которая мне нравится. Мастерская по ремонту пишущих машин и счетных". Тогда счетные машины были - арифмометры. И - в вечернюю школу учиться. Школа, как сейчас, рабочей молодежи, вот так вот. А устроиться в такую мастерскую было очень трудно, не брали они. Там мастерская-то была десять человек всего рабочих, но благодаря тому, что Рая работала на телефонной станции, у нее много знакомых было во всех организациях, через нее мне удалось устроиться учеником в эту мастерскую.

- **Рая - это сестра?**

- Да. И я устроился учеником. И я любил заниматься механикой. Это мое призвание. Там были такие ребята, один был, я помню, как сейчас, Ленка Матвиевский, старше меня он был. Он там два года учеником был и ни в дугу, ни черта не мог делать. А я туда пришел - я через три месяца уже соображал и помогал этим механикам так, что они начали на меня надеяться, и по вызовам уже меня посылали. Эта мастерская обслуживала многие большие организации, такие как Днепроэнерго. Что значит Днепроэнерго? Это колоссальная южноукраинская система, на базе Днепрогэса, и там машинное бюро, машинистки работали, человек 20 машинисток в одной комнате. Но комната обита шелками, красиво так сделана, звукопоглощающая, и вот она работает, и не слышно. И вот они работали на пишущих машинках. Ну, работает двадцать человек - у одной машинка забарахлила, буква отвалилась или рычаг сломался, или еще чего-нибудь, там много... Машинка - это довольно сложная такая...

- **То есть вы полюбили эту механику с тех пор, как сделали свой автомо-**

биль?

- Я еще раньше любил механику. Короче говоря, я год там проучился, я стал зарабатывать, кроме того у меня халтура появилась, частная. Я тебе могу сказать, что я до войны уже зарабатывал - 900 рублей в месяц. Это были большие деньги. Можешь сравнить: 900 рублей - тогда бутылка водки стоила 9 рублей. Сто бутылок водки мог я купить. Это к примеру тебе говорю. И вот однажды, когда меня выпустили уже учеником, я уже стал работать, то у меня оклад был ученика, там, скажем, 250 рублей, и то родители были довольны. А это у меня уже экзамен был, мне дали определенную работу, я все сделал и мне квалифицировали - механик 5 разряда. И вот я месяц проработал, принес домой 900 рублей. Родители, когда увидели такие деньги, мне: "Где ты взял эти деньги? Где ты взял? Украл, что ли" И они не верили. Я говорю - если вы не верите, идите туда. Они знали, где у нас мастерская, телефона тогда не было ни у кого, идите и спросите. Мама просто не знала, что делать. Но она была знакома с одной женщиной, еврейка тоже, а ее сын работал тоже в этой мастерской со мной вместе. Яшка Житомирский, он старше меня был на год. Она с этой женщиной каждый день на рынке встречалась. А этот Яшка пришел в мастерскую на год раньше меня, он уже самостоятельно работал, когда я пришел учеником. Она встретила на рынке Житомирскую эту, и говорит, на еврейском языке, конечно, слушай, мадам, вот ваш сын работает в этой мастерской, мой сын тоже там работает и он, вы знаете, получку принес - 900 рублей. А я не уверена, что он столько заработал, мне кажется, что это что-то не то. Или они там украли что-то, продали? А она говорит: "Не волнуйтесь. Мой сын тоже заработал, что-то тысячу рублей заработал" (он уже давно). Так что это все законно. И когда я принес эти деньги, дело было летом, 39 год, мне 18 лет уже было. Еще не было... Да, было. Отец говорит: давайте поедем последний раз, я хочу повидаться со своим братом. А брат его жил в Брянске. Мы жили в Запорожье, а брат жил в Брянске, звали его ?, когда то дед твой Наум тоже жил одно время в Брянске, а этот дядька, папин брат, он парикмахер был, и Наум тоже там работал парикмахером. Это как раз в годы нэпа. И мы втроем - я отец и мать купили билеты и поехали в Брянск. Отдохнули там, недели две побыли и вернулись, все на мои деньги. Я упустил еще один момент. В 25 году Ленин умер в 24, Ленин провозгласил лозунг: НЭП. Что такое нэп? Новая экономическая политика. То есть частично восстанавливалась частная собственность. Во время нэпа твой дед Наум открыл свою лавочку, как сейчас называют - палатка. Но палатка такая приличная. И он торговал чем - крупы, колбасные изделия, кондитерские изделия, бакалея. Но он как нэпман, частник был. Он закупал где-то на базе товар, ему привозили на лошадях, машины не было, на лошадях товар привозили, а он торговал стоял целый день в этом сво-

ем магазинчике, продавал и зарабатывал таким образом на жизнь. Это было в 25-26-27 год, вот эти годы нэпа. Как раз когда мы - я, Монька и Аркадий, - учились у этого ребе. А жили они тогда у нас. Вот они тогда хорошо жили, довольно прилично. И я помню один случай такой. А он торговал там в этом магазине, и тара оставалась, много тары. Ящики, тонкие ящики из-под кондитерских изделий, круп и все прочее. Так он эти ящики приносил во двор, топили ими. А мы пацаны, у нас в сарае был погреб, глубокий погреб, яма такая. и туда летом сбрасывали эти ящики деревянные, коробки, ящики. И вот однажды мы с Аркадием - пацаны были, - взяли и решили (а там еще стружка была) и подожгли эти ящики. И начало все гореть. Там могли все сараи сгореть. Днем, хорошо, это было, соседи увидели, сразу стали бежать с ведрами, дружно, погасили. Пришел Наум с работы, ему говорят - вот так и так, твои ящики там. Кто это мог поджечь? Они нас начали допытывать. А мы с Аркадием это сделали, говорим - это Монька сделал. А он никакого отношения к этому не имел, это я сам сделал с Аркадием. Отец его так лупил, лупил, он самый старший был, он его бил за это дело.

- И что он тогда сделал?

- Да ничего. Что он мог сделать? Поплакал немного и все. Ну вот, я тебе должен сказать, что Фрума, она воспитывала своих детей очень так, держала их жестко, в ежовых рукавицах. Если они немножко нашкодили, в основном Монька, если онтам что-нибудь набезобразничал, она в угол ставила на колени. Так что вот такие детские годы были. Это было, значит, я остановился, мы поехали гостили в 39 году, когда мы возвращались обратно из Брянска в Запорожье, то в это время наши войска перешли государственную границу с Польшей. Был заключен договор между Германией и Советским Союзом, немцы 1 августа 39 года напали на Польшу, а Советский Союз со своей стороны, с востока на Польшу пошел, и Польшу расчленили на две половины - одна половина отошла Германии, вторая Советскому Союзу.

- Вы знали, что война будет?

- Готовились к ней. Все знали. Когда она начнется - не знали, но готовились. Я тебе сейчас скажу. Что значит знали? Шла очень большая работа. Были специальные кружки, где изучали газы, говорили, что эта война будет с газами, изучали газы, ходили в специальные такие подвалы, там окуривали, пускали разбавленные газы, одевали противогазы, изучали противогазы, и все прочее и прочее. Вот такая подготовка была к войне. Ну, и кроме того, усиленно строили авиацию. В Запорожье был крупнейший завод моторостроительный, самолетомоторостроительный, авиадвигательный. Завод номер 29. И на окраине Запорожья, там было такое село Мокрое, называлось, там был военный аэродром. И там базировалось очень много ночных бомбардировщиков. И вот как вечер - так над Запорожьем - ууу, ууу, летают всю ночь самолеты. Всю

ночь. И они тренировочные обстрелы делали, они за собой тащили такие мишени. Учебные стрельбы были.

- В войну все ваши дома разрушили, да?

- Нет. Но такая подготовка шла. Но, когда началась война, эти самолеты оказались абсолютно непригодными для боевых действий, потому что у немцев были значительно лучшие самолеты. Они превосходили наши самолеты и по скорости, и по грузоподъемности, и по маневренности. Поэтому все эти усилия, которые были потрачены, это было напрасно. Кроме того, они ночные были, ночные бомбардировщики были, неуклюжие такие, короче говоря, от них отказались. Вот. Если бы я закончил 10 классов в средней школе, то меня по приказу наркома обороны призвали бы в армию в 39-м году. Такой был приказ, кто закончил 10 классов - сразу в армию. А те, кто не закончил 10 классов, на год позже брали в армию. Поэтому мои сверстники, с которыми я учился, в 39-м году были все призваны в армию. Я был призван в армию в сороковом, на год позже. Так вот, все мои сверстники попали служить в Западную Украину, а ее освободили в 39-м году от поляков. И всех новобранцев послали служить туда, на запад. Через два года, когда началась война, в 41-м, они все были пленены или разгромлены, погибли все. Все мои одноклассники - все погибли, ребята. Один остался, Яшка Житомирский, с которым я работал, он остался жив. Почему? Потому что он в авиации был. А все остальные мои товарищи - все погибли.

- Те, кого взяли в плен, тоже никто не вернулся?

- Конечно. А в плен когда брали евреев, их расстреливали сразу.

- А как определить - еврей, не еврей?

- Там твой товарищ же сразу - вот еврей, кого вы ищете, вот еврей! Свои же говорили. Конечно. Предателей было... И офицеры, те же офицеры, знали, что ты еврей и - "Вот, это жиденек".

- А офицеров тоже расстреливали?

- Расстреливали евреев. Всех трогали, смотря кто как себя вел. Если он предал, так его не трогали. Во власовскую армию если он согласился идти, его не трогали, конечно. Ну вот, а меня призвали ровно через год после того, как моих товарищей призвали. Осенью сорокового года. И я попал в Москву. В Сокольники, в первый полк связи, улица Матросская тишина.

- А почему в Москву?

- А это уже дело военкомата.

- Случайно, да?

- Да. Было затребование - как идет призыв? Из разных воинских частей, в разные округа присылают разнарядку - нам надо 50 человек, в

первый полк, сотый полк еще 20 человек, и вот они так распределяют. Почему я попал еще в связь, первый полк связи. Левка наш этот, брат, он во время гражданской войны служил в связи. По полю бегал с катушкой телефонной. Я когда должен был призываться, я у него спрашиваю: я говорю, Лева, как ты считаешь, куда мне попроситься, они все таки прислушивались к призывнику. В артиллерию, или в кавалерию, или в авиацию? Он говорит: да иди в связь, я вот в связи служил, иди в связь. И когда там мандатная комиссия называется - сначала медицинская, потом мандатная, уже голый стоишь вот так вот - а где бы вы хотели, в каком роду войск хотели служить - танки или в авиации, или в артиллерии? Я говорю - я в связи хотел бы служить. Они там посмотрели, там полковник сидит, подполковник: а, как раз сейчас разнарядка - 10 человек в связь.

И меня записали в этот список. И когда через неделю нас собрали группу 10 человек, и отправили не товарным поездом, а пассажирским поездом в Москву. И мы приехали в Москву. В сороковом году 12 октября. Я стал служить в первом полку связи. И у меня служба пошла хорошо очень. Потому что у нас там были дундуки неграмотные из Брянской области, из Белоруссии, а тогда в армии, до войны главное - это политзанятие было, это главное. История партии, история гражданской войны, если ты по политподготовке успешно сдаешь, значит, ты хороший красноармеец, не солдат - красноармеец. Если ты по политподготовке отстаешь, значит, грош тебе цена. А остальное - это стрельба, и все это, остальные занятия - ерунда. Главное - политподготовка. Политбюро, ты должен знать все Политбюро, биографию Сталина, биографию Ленина, Кагановича, Ворошилова, гражданская война как была с Колчаком, с Деникиным, с Врангелем. А я это знал назубок.

- В школе учили?

- Я интересовался этим, я читал книги, и в школе, и так. Я знал это хорошо. И у меня по политподготовке было пять с плюсом. Более того, вот эти дундуки из Брянской, Белоруссии ни в дугу, ничего не соображали, они даже никаких карт не знали. Вот, висела карта Советского Союза. Надо было по карте показывать, откуда наступал Колчак с востока, с юга там наступал Деникин, какие области он занимал, как он продвигался по Донбассу, по югу Украины, потом по России - надо было все показывать по карте. Как Юденич продвигался под Петроградом. А он смотрит на карту, спрашивают - покажи, где Юденич там, товарищ красноармеец, Назаров такой был, где наступал Юденич? - А он показывает во Владивостоке. Ну, не соображал. Так командир взвода ко мне прикрепил два красноармейца и сказал: Если вы их подготовите, чтобы они сдали политзанятие на тройку хотя бы, будете ходить в увольнение, а если они не сдадут на тройку, я вас в увольнение пускать не буду. Я говорю : а я -то при чем, я-то сдаю? - А вот, надо товарищам

помогать. А как в армии? Товарищам надо помогать, выручать. Вот мне прикрепili двоих дундуков таких, и я с ними день и ночь обучал их, они же не понимали даже карту, не знали, Где Урал на карте, покажи? - А он не знает. - А где Кавказ? - Не знает. А он не знает, что такое карта, ну, они в колхозе там жили, у него четыре класса образования было, читать как следует не мог. Поэтому я был на хорошем счету, кроме того, я попал в роту радистов. Что такое радист? - Это аппарат Морзе. Это вот на ключе работаешь - точка-тире, точка-тире. Изучали мы азбуку вначале, надо было всю азбуку изучить, а потом работаешь на этом аппарате. И как мы работали: нас спаривали: я в одной комнате сижу, ты в другой. Мой аппарат с твоим спаривают, и я работаю, мне дают текст какой-нибудь, я печатаю, ты принимаешь, записываешь, а я передаю. Потом ты передаешь, я записываю. И как определялась оценка? В зависимости от того, за полчаса какой текст ты успеешь передать, там, скажем, 100 слов, я к примеру говорю, а другой передаст 50 слов. И вот меня спарили с одним парнем, он был с Центра России, по фамилии Алексеев. Худой такой парень, но толковый. Меня с ним спарили и у меня больше всех знаков с ним получалось. И командир взвода нас в пример показывал: вот Хенкин и Алексеев на первом месте. И выходил боевой листок в каждой роте. И к примеру: Хенкин, Алексеев на лучшем... Вот так вот. Лучшие телеграфисты. Кроме того, стрельбы были, нас водили на стрельбы. Редко правда, автоматов не было, мы с винтовок стреляли. Три патрона давали, и надо было бить по цели, я не помню, на 500 метров, что ли. Я и стрелял хорошо. В общем, у меня все шло хорошо. Дальше вызывают каждого новобранца командир роты - знакомство, первое знакомство. Вызывают. Очередь доходит до меня. Хенкин. - Да. Имя? - Мендель. - Он сидит и сидит писарь. По второму году службы писарь сидит. А этот командир роты смотрит на меня, старший лейтенант, хороший мужик был, Орловский его была фамилия, он из гражданских преподаватель был. Он когда улыбался, у него ямочки были, такой добродушный человек. Как зовут? - Я говорю: Мендель. Что это за имя? Миндаль? - Я говорю: нет, Мендель, Менделеев вот, химик великий, Менделеев. - А он: Да-да-да... А как же вас называть? - А писарь сидит и говорит: Товарищ старший лейтенант, да будем Михаил называть. - Я говорю, а мне все равно, как вы будете меня называть. И писарь (этот спрашивает, а писарь пишет) красноармейскую книжку заполняет: Хенкин Михаил... А отчество как? А отцато звали, знаешь как моего отца звали? - ? - Так Наум был Шмурьевич, Исай был Шмурьевич, я - Самойлович, и Савва Самойлович. Я говорю - Самойлович. Ага, Михаил...

***

Таким образом, я стал Михаил Самойлович.

- **А паспорта не было?**

- Паспорты, ты что, в военкомате забрали. А в паспорте, там было, да Мендель. И я когда представил документы, а он удивился: что это за имя такое, говорит, Мендель?

- **А почему отец вас назвал Менделем?**

- А потому что его отца звали Менделем. Он умер. а у евреев называли по именам умерших родственников. Меня и Моньку называли от деда, по имени деда, а Аркадия называли по имени тоже какого-то там... И так всех евреев называли.

- **И Аркадий - это брат?**

- Да.

- **А Моня?**

- Мендель.

- **Тоже Мендель?**

- Да.

- **То есть он стал Мoneй, а вы стали Мишей, да?**

- Он стал Михаил тоже, сейчас он Михаил тоже. Потому что, когда он женился уже, дети стали рождаться, так Мила, его жена, она ему сказала: "Ты мне не мучай детей. Сам мучаешься со своим именем, так сделай так, чтоб ты был Михаил". Он взял, переименовал. А он ей говорит: "А ты кто по имени?"

- **Кто она по имени?**

- Михама. Зина, сделай Зина.

- **А что такое Михама в переводе?**

- Михама.

- **Нет, в переводе?**

- А что такое Мендель в переводе? А что такое Виталий в переводе, скажи мне?

- **Это жизнь.**

- А, жизнь... Вот я тебе говорю, а что такое Соломон в переводе?

- **Соломон - мудрый, наверное.**

- Да, так вот я тебе говорю - он тоже Михаилом стал. Таким образом я стал Михаил Самойлович Мендель. Далее. Там же беседа идет. В комнате командира роты. А кем вы работали? Ну, полная биография. Я говорю - я работал механиком по ремонту пишущих машин. Смотрит на меня - да? Коля - к писарю обращается, - может, он нам машинку исправит? Могли бы вы нам исправить машинку? Я говорю: я не знаю, какая у вас машинка. - А ну-ка, Коль, покажи. Коля из-под своей койки достает машинку, я посмотрел - на ней вот такой слой пыли. Ундер-

вуд. Ундервудик. Такая канцелярская машинка небольшая, я посмотрел на нее, протер ее немножко, посмотрел - рычаги поломаны, в ужасном состоянии. Я посмотрел-посмотрел, говорю: -Знаете, товарищ старший лейтенант, сделать я ее могу, отремонтирую и будете удовольствие получать. - И что, будет печатать и все, и все буквы будут? - спрашивает. Я говорю, совершенно верно, будет ровно печатать и все буквы будут нормально работать. - А что для этого надо? - он мне говорит. Я говорю: Для этого надо, чтоб вы меня отпустили в город, я похожу по мастерским, я запишу, каких деталей здесь нет, какие буквы, какие рычаги, что нужно. Я найду мастерские, - я не знал, где есть такие мастерские в Москве, - и попрошу эти детали. Он говорит: А деньги вам нужны? - Я говорю: деньги не нужны, я не знаю как, но я думаю, что без денег дадут. Потому что то, что здесь надо, выбрасывается, я знаю по работе по своей. Он говорит: Так это нас устраивает. Кроме того, я говорю, мне нужно пассатижи, маленький молоточек, и ручные тиски. Мне нужно олово и кислота. Он говорит: а где вы будете делать? - Вот здесь прямо, вы отведете уголок какой-нибудь, столик, и я здесь буду сидеть. - Сколько вы будете заниматься этим делом? - Я говорю: не знаю, дня два три, не меньше, если я достану детали, при условии. Он говорит: товарищ Хенкин, это нас устраивает. Когда вы можете в город пойти? - Да хоть завтра. - А я ни разу в Москве еще не был, мы когда приехали в Москву поездом на Курский вокзал, то мы хотели пойти на Красную площадь, посмотреть Красную площадь, мы еще в гражданской были форме. С чемоданами, конечно, неудобно было. Но у Курского вокзала, там мы встретили таксистов: О, ребята, куда вас отвезти?, знаешь, как, - мы говорим, вот так вот, мы не знали, где это, - в Сокольники нам надо. - Садись. Взяли две машины и на двух машинах приехали прямо в казармы. Машины были ЗИС-101, здоровые такие машины. Поэтому в городе я еще ни разу не был. На завтра меня писарь вызывает и говорит: Орловский сказал, чтобы я тебе выписал увольнительную на сколько тебе требуется. Я говорю - на день. - Ну как на день? - Я после завтрака уйду а к ужину приду. Он смотрит на меня: меня устраивает. Дело в том, что увольнение давали москвичам на сутки. Вот он уходит утром на воскресный день, а в понедельник рано утром к подъему он должен быть на месте. А я на сутки не просился, куда я пойду ночевать? Мне после завтрака, а вечером я приду. Выписывает мне увольнение. Выписал, и командир взвода тогда приходит и говорит: товарищ Хенкин, но смотрите, вас отпускают в город. Чтоб не напились там, это раз, и каждому приветствие, каждого сержанта надо приветствовать, ефрейтора даже приветствовать надо. А я рядовой красноармеец. Погон тогда не было. Тогда были петлицы вот здесь. Я пошел, вышел я из казармы, куда идти? Пошел до метро Сокольники, думал, ехать же мне не надо, мне надо идти и посмотреть, где

такая мастерская может быть. И пошел я до Красносельской улицы в сторону центра, иду, смотрю, смотрю - ничего подобного нет. И так я пешком дошел до трех вокзалов. Казанский, Ленинградский, Ярославский. Прохожу эти вокзалы. Военный где появляется, он меня не видит, а я ему уже козыряю. Дошел я до Красных ворот. Пешком. Поворачиваю на улицу Кирова. Эта улица на меня произвела колоссальное впечатление. Дело в том, что вот этот район Сокольники - это было захолустье, окраина Москвы, там одни деревянные дома были, это не те Сокольники, которые сейчас. А на подпорках тогда дома стояли. Самый высокий дом - это был двухэтажный. И деревянный. Так что я думал: что это за Москва такая? В Запорожье и то лучшие дома. Но когда я попал на Кировскую, Мясницкая теперь, это на меня произвело такое впечатление... Это Москва. Иду я по этой улице, не успел пройти несколько домов - смотрю, с правой стороны одноэтажный домик, окна на улицу, большое окно на улицу, и стоят несколько старых пишущих машин. И написано: "Ремонт пишущих машин". То, что мне надо. А сам вход в эту мастерскую со двора. Я захожу со двора, посмотрел - там приемное окно такое, смотрю, ребята сидят там и работают. Ремонт занимаются этих машин. А один сидит у этого окна и принимает в работу машинку у какого-то заказчика. Он меня увидел, а что тебе надо? - так на меня посмотрел, я ж в солдатской форме, красноармейской, тогда не солдат, а красноармеец. Я говорю - Да я хочу у вас кое-что узнать. - А этот мужик, который принимал машинку, ему лет сорок, наверное, уже, а мне было двадцать. "Ну ладно, подожди, я сейчас приму". Тот ушел заказчик, я говорю: "Я вот здесь в воинской части, в Сокольниках нахожусь, там в роте у нас пишущая машинка. Но она в таком состоянии страшном, а я сам механик по пишущим машинам". - Какой ты там механик-то? Шпаненок. А где ты работал? - Я не в Москве. - А где? - В Запорожье. - А какие машины ты ремонтировал? - Ленинградскую, Ундервуд... - начал ему называть. - Ну, что тебе надо? - Мне надо для Ундервуда десять рычагов, потом такие буквы (ц, б, м, к), потом мне ленту надо, олово надо. - Коль! (какому-то механику). Принеси вот этому парню, из старых наших деталей пускай выделит. Тот несет вот такой большой ящик там этих рычагов разных, не только от Ундервуда, там от разных машинок. На тебе, говорит, выбирай, сколько тебе надо. И я стал выбирать. Мне надо было десять рычагов, я взял пятнадцать. Надо было 5-7 букв - я взял пятнадцать букв. Я у них спрашивал, вот это можно взять? - бери ты. Что тебе еще надо? - Мне олово немножко надо. - Зачем? - Мне же перепаявать буквы надо, и кислоты немножко. Они мне все дали. И кислоты налили бутылочку маленькую, и олова откусили, а один мне еще дал ?, называется, бесплатно дал. Я говорю - да у меня денег нет, что я буду врать. - Да возьми ты, мне они не нужны, возьми. Те старые такие. Надавали мне,

завернул я в такой пакет все это, там на пять машинок. А время было уже часов 11, пока я дошел, вышел я часов в 9, уже часов 11. Уже все сделал. Не, я в казарму не пойду. А куда идти, я же не знаю, я хочу дойти на Красную площадь, посмотреть Красную площадь, Мавзолей, я по улице иду, рассматриваю каждый...

- Там же рядом Красная площадь.

- А я же не знал расположения. Все дома рассматриваю, дохожу до Центрального почтамта. Зашел в Центральный почтамт, посмотрел на здание со стеклянной крышей, это на меня такое впечатление произвело, а потом, когда я уже дошел до этого Центрального почтамта, я там спросил у людей, как мне до Красной площади дойти. Они показали. Я пошел по Кировскому бульвару, Чистопрудный бульвар, вышел на Покровку, а с Покровки там пошел на Площадь Революции, через Площадь Революции вышел на Красную площадь. Я же с пакетом, тогда не было целлофановых пакетов, в газете завернуто. Пошел, обошел, в Мавзолей я не попал, посмотрел Красную площадь, брусчатку эту посмотрел, Мавзолей! Смотрел на этих часовых! Все смотрел! Потом жрать захотел. Уже было, наверное, часа два. Пока я гулял, зашел в столовую, пообедал на деньги - деньги были у меня, свои собственные. Рублей 15-20 было у меня. Я когда поехал в армию, в Москву, я с собой привез 250 рублей. И сдал в сберкассу их. Я пообедал, и опять пошел по улицам бродить. По улице Горького прошелся... Ноги у меня здоровые были, ничего не болело, наелся. Иду, только козыряю военным и все рассматриваю. Попал я на телеграф центральный, по улице Горького прошелся, потом вечер уже, месяц октябрь, рано темнеет, походил-побродил, потом сел опять в метро и до Сокольников. А когда я уходил, этот писарь мне все написал - метро Сокольники, такой-то радиус, там-то пересадку делать, если ты заблудишься. И я так часов в 5-6 возвратился в казарму. Возвратился в казарму, а все мои с моего взвода на меня: сачок, сачок, где был, гулял? А что я мог говорить, зачем я ходил? Короче говоря, я пришел, все эти свои детали, которые я достал отдал писарю и говорю: вот я нашел, принес то, что надо. Машинку сделаю, будешь удовольствие иметь печатать. Я пришел, положил сразу это командиру роты, командир меня вызвал - ну как? - Говорю, все нормально. - Никто не задержал вас в городе? - Нет, товарищ старший лейтенант, ну что я, не понимаю, что-ли? - Ну, молодец, молодец. Когда начнете работать? - Хоть завтра, сегодня день прошел. - Давайте. - И мне столик они достали, там оружейные мастерские у нас есть на территории полка, тисочки достали, молоточек, то, что мне надо было, потом спиртовочку со спиртом - мне надо было паять. И я сел, не спеша, каждую буквочку рассмотрел, сделал, перепаял, отрегулировал. Я думал сделать за день, а я дня три возился. А что мне спешить? Там маршируют они на улице, строевой, а я сижу в тепле. Короче гово-

ря, когда я сделал, я говорю писарю: Коля (я уж не помню точно, как его звали, такая морда большая, он хорошо печатал) , ну-ка попробуй. Он напечатал, показывает командиру роты. Товарищ старший лейтенант, смотрите, как печатает. Да, я еще попросил бензин, промыть мне все это, достали они, принесли. Смотрит на этот шрифт и смотрит на меня: слушайте, ну это же просто... не знаю, чем вас благодарить? - Я говорю, не надо меня ничем благодарить. Тогда они берут и строевую записку пишут на этой машинке, то они вручную пишут... Знаешь, что такое строевая записка? Это каждый вечер составляет каждая рота строевая записка. Там, значит, написано так: сколько человек стоит на довольствии, сколько человек в госпитале из роты, сколько будет питаться в столовой завтра утром и личный состав весь. У нас было в роте 115 человек, вот это в строевой записке все написано. И это каждый вечер эту строевую записку писарь относит к штаб полка. А штаб полка со всех рот собирал и в столовую, дежурному в столовую, а там смотрят: на довольствии сегодня будет тысяча сто человек. Согласно этого количества людей выписывают продукты, на тысячу сто человек. Был склад на территории полка, и там получают мясо.

- В полку десять рот, что ли?

- Там, может, их больше было даже. Там было у нас тысяча двести человек. Но там обслуживающий персонал... Короче говоря, получают продукты на это количество. Отнес он эту строевую записку в штаб, сдал и ушел. Назавтра звонок в роту: Орловский, слушай, это говорит капитан Ефимов (из штаба звонят).. А капитан Ефимов был заместитель начальника штаба полка. Единственный человек с высшим образованием в полку был, военным образованием, закончил Ленинградскую электротехническую академию, ту, которую Монька закончил, только он раньше Моньки кончил. Слушай, Орловский, здесь строевой заказ был, ты где печатал его? А тот говорит: "Как где, у себя в роте." - А где ты машинку брал? - Да у меня здесь, в роте она стояла. - А чего ж ты раньше не печатал? - Она неисправна была. - А сейчас где ты ее исправил? - А здесь у нас красноармеец новый пришел, он оказался мастером, и вот он сделал. - Ну-ка, пришли ко мне его! - вызывают меня, я на занятиях, я же ничего не знаю. Сиж, политучеба... Вызывает меня во время занятий командир роты. Прибегает дневальный - Хенкин! - Я! - Командир роты вызывает! - Все оглядываются на меня: ну, что-то натворил уже. Я сразу, пояс подтягиваю, стучу в дверь: - Да-да! Заходите! - Товарищ старший лейтенант! Красноармеец Хенкин прибыл по вашему приказанию! - Здравствуйте! (улыбочка такая). Вы знаете что, мне позвонил заместитель начальника штаба полка, капитан Ефимов, он прочитал строевую записку, которую мы напечатали на пишущей машинке, ему очень понравилось. И он просил, чтобы я вас прислал к нему. У него там тоже несколько ма-

шинок. - Я говорю: Товарищ старший лейтенант, я должен посмотреть, я же не знаю, какие там машинки. - Идите, оденьтесь, пойдите и посмотрите. Сможете вы сделать - хорошо, нет - так.. - Слушаюсь. - Пошел, оделся, он мне объяснил, куда пойти, я не знал. Отдельный домик на территории полка, штаб, а потом, когда зайдете туда, там часовые стоят, спросите у часового: где помощник начальника штаба сидит, капитан Ефимов? Я зашел туда, спрашиваю: а где комната капитана Ефимова? - Туда иди, вон там. - Я иду, стучу: Да, заходите. - Я: Товарищ капитан! Красноармеец Хенкин прибыл по вашему приказанию! - Он тоже такой красивый мужик был... - Это вы отремонтировали пишущие машинки? - Я. - А нам бы вы не могли сделать, чтоб так вот печатали?

- Что это такие вежливые, обращение?

- Да, очень любезно. Ты знаешь, что до войны армия совсем другая была? Мата не было, драк не было. На национальной - у нас в роте были евреи, и я не видел, чтобы унижали. А во время войны было. Короче говоря, я ему говорю: Товарищ капитан, мне надо посмотреть. - Он: Какой разговор, идите! Проводит меня в комнату, там три бабы сидят, на разных машинках печатают. Я посмотрел: Елки-палки! Вот так буквы прыгают: одна выше, другая ниже... В общем, ужас. Но они работают. Одна Ленинградка была, Ундервуд и еще какая-то, третья. Я посмотрел каждую. Я говорю: Вот эту машинку я вам могу сделать на этой неделе. У меня есть детали, я ходил уже, в город меня Орловский отпустил, и мне там дали, а для этих мне надо увольнение - в город пойти для того, чтобы достать детали к этим. - О чем речь?! Ну, а эту когда вы можете починить? - Когда разрешите, когда скажете, тогда и буду делать. - Хоть завтра или сегодня. - Я должен подготовиться. А где работать? - А в оружейной мастерской. А я был там в мастерской, посмотрел, там как балаган такой здоровый, а эта машинка, там каждый винтик, все испортят... У вас здесь уголка нет? Чтоб маленький столик поставить? - Пожалуйста, могу здесь. - И я стал в штабе делать эти машинки. Сделал одну, потом меня отпустили в увольнение - капитан уже, - вторую сделал, сделал третью. Эти бабы-машинистки: "Ой, мальчик, спасибо тебе"! - и чуть ли не на руках носили. Слушай, а если у нас неисправность будет какая, можно тебя вызвать? - Конечно, можно. - А где вы, в каком подразделении? - Капитан знает, в роте морзистов. - А вот нам часто приходится ленту переставлять, пачкает, руками, можно вас вызвать ленту переставить? - Какой разговор, конечно. - И так они меня - что неисправность, они меня стали вызывать. И таким образом я познакомился с этим капитаном Ефимовым. Он очень хороший человек оказался, культурный очень. И так продолжал служить. Затем началась война. И все выехали на фронт, в том числе капитан. И этот капитан Ефимов уже на фронте, месяца через 2-3,

стал уже майором. И он меня где встретит: О, Хенкин! Здравствуй, здорово! – Уже я с ним вась-вась. И таким образом я с ним был в самых лучших отношениях. И даже на войне, когда что-то надо было, так он меня разыскивал, а там беспорядок был, где одно подразделение, где другое – бес знает. Находил меня, и я приходил, тоже помогал в смысле пишущих машин. Все время, пока его не забрали в другую часть. Так вот я служил. Ну я не буду в тонкости здесь вдаваться. А когда наш полк расформировали, в 44-м году, я войну опускаю, о войне я не рассказываю, и меня направили из Крыма, после того как мы освободили Севастополь, меня и еще с сержантом и офицером, меня направили в Москву в высшую офицерскую школу. Учиться. А я не хотел. Так я своему командиру роты говорю: Товарищ майор, я вас прошу, я не хочу быть офицером. Не посылайте меня на учебу в Москву, я не хочу. А он мне: "Выполняйте приказание. И не обсуждайте." – Слушаюсь. И поехал в декабре 44-го года в Москву. Высшая офицерская школа располагалась в Мытищах. И там начали нас готовить, учить забрасывать в партизанские отряды радистами. А я думал: не, такое дело мне уже не нужно. Я уже повоевал, хватит. И, никуда не денешься, сидим на занятиях, учимся, и вдруг инспекторская проверка. Я там проучился январь, февраль, 45 год, февраль месяц. Знаешь, что такое инспекторская проверка? Приехали, у нас начальник училища был генерал-майор ?. И вдруг приехала инспекторская проверка, три человека. Полковники, все три полковника, а вел глав. учебу старший лейтенант. Вдруг открывается дверь нашего класса на занятиях. Заходят три полковника. Этот преподаватель, который вел занятия, подходит строевым шагом и старшему по званию: Товарищ полковник! Класс такой-то такой-то занимается разборкой радиостанции, старший сержант такой-то! – Здравствуйте! – и пошли к столу. Сели эти три полковника, я смотрю на одного полковника – Ефимов. Он уже полковник. Февраль 45-й. Он сидит там, они по журналу, книги смотрят, а потом смотрит так на класс: увидел меня. Встал, идет, а слежу за ним. Подходит ко мне: А ты как сюда попал? – Я встал: Товарищ полковник, направили учиться. – Хорошо, во время перерыва подойди ко мне. – Слушаюсь, товарищ полковник. – Они посидели, звонок. У нас как в школе было. Звонок, перерыв. 20 минут. Они вышли. Я спрашиваю: а где эти, полковники, он мне сказал подойти. А они в канцелярию ушли. Я стучу в канцелярию, подхожу: Разрешите. А они там – трое полковники, и еще там преподаватели сидят. – Товарищ полковник, я прибыл. – Он вышел. – Слушай, чем ты здесь занимаешься? Кому это надо? Хочешь работать у меня? – А где у вас? – В Главном управлении связи Красной армии. Кировская, дом 33. Хочешь работать? – А кем я буду работать? – Что значит: кем? Я же знаю, кем ты можешь работать. Ремонтировать пишущие машинки. – Я говорю, я не откажусь. – Лезет в карман, достает блокнот, пи-

шет КЦ, ...телефон его, Ефимов Иван Павлович, звони мне по этому телефону...

- Сколько цифр было в телефоне?

- Тогда не цифры были, а КЦ, а потом еще 33-44 может быть. Коро-че говоря, он говорит: А я поговорю с начальником хозяйственного управления Главного управления связи Красной армии. – Ни хрена себе, думаю. А сам уже дрожу. Конечно, престижно. – А откуда звонить? Там, где училище наше, там один телефон у начальника училища, генерала. И все. А автоматы на вокзале, в Мытищах. А до Мытищ полтора километра пешком надо идти. Я тогда придумал такое дело: а в это время уже в Москве жили Наум, Фрума, Монька работал тоже в полку связи. Я придумал, я своему командиру взвода говорю: Товарищ командир взвода! У меня в Москве брат, он болен очень. Тоже военный, раненый был, вы мне разрешите, я буду ходить на вокзал и с утра позвонить узнать, в каком он состоянии. – Я же войну прошел, медали, знаешь, они к нам относились более-менее так. – Конечно! – Утром можно будет завтра пойти? – Можно. – Я часов в 10, перерыв был, иду звонить. Товарищ полковник, это я, Хенкин, звоню, как вы мне сказали. – Ты знаешь, я его еще не видел. Мягков такой, майор. Звони мне завтра или послезавтра. – Проходит еще два дня, я опять иду звонить. Не дожусь уже, пока эти два дня пройдут. Прошло два дня, иду в Мытищи на вокзал, звоню. Он снимает трубку. – Товарищ полковник, здравствуйте, Хенкин говорит. – А! Вот я его видел. Сказал, возьмется за это дело. Им нужен такой человек. – И что дальше? – Они подготовят бумагу, – он мне говорит, – пошлют в ваше училище, чтоб тебя откомандировали в Главное управление связи, а это училище подчинялось Главному управлению связи. – И дает мне еще один телефон – теперь ты звони по этому телефону. Майор Мягков, я помню, как сейчас. – А когда ему можно позвонить? – Завтра позвони. – Наступает завтра, я опять иду в Мытищи, 15 копеек стоило, что ли, звоню – Мне майора Мягкова. – Я слушаю вас. – Товарищ Майор! это говорит механик по ремонту пишущих машин, о котором вам говорил полковник Ефимов. – Да-да! Вы мне скажите ваши координаты. Он мне сказал фамилию, а нам надо имя полностью, отчество, год рождения, все прочее... И в каком подразделении. – Я ему все диктую. Хенкин Михаил Самойлович, такого-то года рождения, звание... Высшая офицерская школа, генерал майор Доренкин (?). – мы подготовим письмо, – он говорит, – пошлем письмо, только не почтой, а фельдъегерем, (почтой они не посылали), получают письмо и вас прикомандируют к нам. Я думаю, вас на 20 суток сюда. – Хорошо. – Позвоните мне еще через пару дней, когда будет письмо готово. – Я звоню опять через пару дней. – Все в порядке, письмо заготовлено, но фельдъегерь будет через дня три-четыре, пока он появится, его же с одним письмом не можем послать, а несколько

будет таких писем, и отошлем. - Товарищ полковник, а можно я сам подъеду за этим письмом? - Пожалуйста! Какой вопрос! - А к кому обратиться? Где взять это письмо? - Позвоните по этому телефону, придете по этому адресу, зайдете в проходную, позвоните по местному телефону, и там вам какая девушка ответит, вы скажете, что есть письмо от генерала? такому-то Хенкину, и вам занесут это письмо. - Назавтра я уже опять вру этим самым, сказал: с братом что-то нехорошо, надо в больницу поехать. - Идите. - И я поехал. До Мытищ электричкой, потом в метро до Кировской, а там возле Кировской сразу. Дом 33. Зашел в эту проходную, там народу полно. По местному телефону позвонил, какая-то девка ответила, баба, я ей: здравствуйте, так и так, я приехал от генерала Девяткина (?), письмо там есть... - Сейчас я выйду, передам письмо. - Выходит. Было холодно, февраль месяц, пальто накинула на себя, вышла, заходит в проходную: Кто здесь сержант Хенкин? - Я. - Распишитесь. - Журнал вынесла. - Такое письмо и четыре сургучных печати. И я за шинель и поехал. Раскрывать я не могу. Письмо это на имя генерала, а как я приду? За себя, понимаешь? Я захожу в штаб училища, а там сидит дежурный по штабу училища - в чем дело? Я говорю: Товарищ лейтенант (или старший лейтенант, я уже не помню)! Сейчас я встретил здесь фельдъегеря, мне передали письмо для генерала, пожалуйста, передайте. - И я ему отдал письмо и пошел на занятия. Пришел на занятия, сел, сам думаю, что же будет дальше. И что там написано, я же ничего не знал. Сажу на занятия, буквально через полчаса прибегает посыльный по штабу. Стучит в дверь, обращается: Товарищ старший лейтенант! Сержанта Хенкина вызывает генерал! В чем дело? - Наверное, - старший лейтенант думает, - я его отпускал, он что-то натворил где, попался где-то, значит. Мало ли, что сделал там. Ему даже неудобно стало как-то, а я то знаю, в чем дело. Но я-то знаю, в чем дело. Я подтянулся, прихожу, дежурному докладываю: Товарищ лейтенант, меня генерал вызывает. Доложите ему. - Он постучал: товарищ генерал, здесь сержант пришел какой-то, вы вызывали? - Да-да, пускай заходит. - Я захожу - Товарищ, генерал-майор! Гвардии сержант Хенкин прибыл по вашему приказанию! - Смотрит на меня, смотрит: А откуда вас знают в Главном управлении связи Красной армии? - Такой маленький, седой. Я говорю: Дело в том, что на фронте я знал полковника Ефимова. - Аа! Вы с ним на фронте были? - Да, я его еще до войны знал. По первому полку связи. А теперь он приехал к вам с проверкой, он меня увидел. - Так вот, он вас откомандирует на 20 суток, для того чтобы вы привели там в порядок пишущие машинки. Но смотрите, если вы меня подведете, пеняйте на себя. - А в каком смысле я могу вас подвести? - Напьетесь, драку учините, воровство, что-нибудь такое. Что можно натворить? Нет, это исключено. - Так, зайдите сейчас в такую-то комнату, вам выпишут продукты на 20 суток,

новое обмундирование и поезжайте туда. Только я вас прошу, чтобы я неприятностей от вас не имел. - Я выслушиваю, иду в комнату, мне там выписали на двадцать суток продуктов, куда я их положу? И новое обмундирование - значит, брюки, сапоги новые, гимнастерка, шинель оставили старую. И продукты, мне дали на складе продукты. А куда я их? Мне их дали рюкзак. И мясо, и соль, и сахар, и перец, и хлеб, и крупы, и рыба, и какао, елки-палки! И свекла, и морковь! В один рюкзак не вошло! я основное взял - мясо там, и я говорю начальнику склада: слушай, я сразу не могу это упереть, я вот сейчас уеду, отвезу один рюкзак, потом вернусь, если я сегодня не успею, я завтра приеду. - Он говорит - какая мне разница. - Я нагрузился этим рюкзаком, куда мне все это девать? Еду к Фруме, а жили они на Ленинградском шоссе. Лифт не работает, они жили на девятом этаже. Я пешком с этим рюкзаком, килограмм, наверное, пятнадцать весом. Поднимаюсь, звоню, Фрума мне открывает, никого дома не было, был этот, ?, года три ему было наверное, я так думаю. Она мне открывает дверь: Ты откуда? Я захожу, снимаю этот рюкзак, продукты привез. Я как начал выгружать эти продукты, а голодуха была, сорок пятый год, карточки, а я такие продукты привез - и картошку, и мясо, и крупы. Она не знала: "Откуда ты набрал, где ты взял, ты что? Я выгружаю и сразу еду обратно, еще за одним рюкзаком. Успел я. И поехал обратно, второй рюкзак привез. она как посмотрела, сколько продуктов... Я остался у них ночевать. Наутро еду я туда, в Главное управление связи. Приезжаю с этим письмом, захожу, мне пропуск выписали, захожу к майору Мягкову. - Здравствуй, товарищ майор! Посмотрел на меня. - Ну, с чего начнем? - Я говорю, это вы смотрите. Он мне говорит: - Знаете что, надо начать, привести в порядок машинку генерал полковника Фурцева (?). Это заместитель начальника войск связи сухопутных войск. Он потом стал министром связи. Фурцев этот. Я говорю - А где он находится? - Они дали какую-то девочку, она меня отвела. Я захожу в секретариат: сидит секретарша, красотка, лет 28, ну красавица! Она на пишущей машинке... Я представился и говорю, Она мне тоже: - Меня зовут Леля. Как вас зовут? - Меня зовут Миша. Я мастер по ремонту пишущих машинок. - О, слушайте, у меня две машинки сломаны, одна - я на ней работаю, но посмотрите, как она работает, а вторая вообще не работает. - Я говорю - Какая машинка? - Я посмотрел, а мне выделили комнату там, отдельную комнату. В этой комнате стояла кровать и штук десять матрасов. Стол, шкаф и стул. И мне больше ничего не надо было. И я говорю: - Леля, я эту пишущую машинку, вот эту, которая у вас совсем не работает, возьму в свою комнату, отремонтирую и вам принесу. Потом вы на ней будете работать, а я вторую возьму. - Пожалуйста, какой разговор! - Я взял, приложил все свое умение. Да! Опять детали надо! Я уже знал, где мастерская, пошел, опять достал де-

тали.

- **Опять бесплатно все дали?**

- Да! Они мне все условия сделали: и тиски, все, все, что мне надо было. Я первую машинку сделал, отнес этой Леле, а машинка такая большая была. Она стала работать: - Ой, Мишенька, дорогой мой, вы обедали? - У меня с собой есть. (Фрума мне дала). - А она мне даст вот такую книжечку, - Вот, нате вам книжечку на десять обедов, идите в нашу столовую на первом этаже, вас будут кормить задаром, понимаешь, - задаром. Вам обед будет стоить что-то рубль или полтора рубля. И я пошел. Она мне дала книжечку целую. Пошел, там одни офицеры и генералы, полковники, и все прочие. А я в уголке там сел, подходит официантка, она говорит: А ты чего здесь делаешь? - Я пришел пообедать. - Она говорит: Приходи через полчаса, когда их не будет уже, этих начальников, я тебя накормлю. - Спасибо, - я ушел. Они все пообедали, я пришел, она мне подает - значит, тарелка борща, так она мне в этой тарелке две тарелки сделала, переполнена, каши там положено две ложки, она мне четыре ложки, мяса кусочек - она мне... "Ой, солдатик мой, мой сын, наверное, тоже где-то так голодает..." Я поел, нажрался вот так, и компот там, и все. Там все за деньги можно было купить, и пиво можно было купить... Елки-палки! В рай попал. Когда я вечером приехал домой к Фруме и говорю: - Знаете что, я здесь у вас кушать не буду. - Она: - А что мне с продуктами делать? - Я говорю: - Кушайте их все. - А где ты кушать будешь? - Я говорю: - Меня там кормят. И там я и ночевал. Там хорошая кровать была, такая, на панцирной сетке, несколько матрасов, одеял несколько, простыни они мне дали. Дальше. Завтраки в этой же столовой за деньги, без талонов. Утром заходил - пару сосисок, чай, кофе или что-нибудь... А они мне - я закажу две сосиски, они мне три дают. Я закажу какую-нибудь кашу манную - они мне две порции дают. Ну, один я там был такой. Все офицеры старшие. Короче говоря, я сделал ей одну машинку, вторую машинку, а эти начальники, которые, общего дела, он пошел и узнал, как, что я делаю, как они - довольны мной или нет, машинистки. Он - это без меня, конечно, было, - потом она мне говорила, эта Леля. Пришел этот майор, спрашивает: - Ну как, мастер этот? - Я вас расхвалила! ну действительно, так работают машинки, что вас на руках будут носить. Он тогда меня вызывает, этот майор: Товарищ сержант! А где ты питаешься? - Я говорю: Мне дали сухой паек. - Лезет: на тебе книжечку и ходи в столовую. Я говорю: - Товарищ майор, а мне уже дали книжечку. - Кто дал? - Леля дала. - Хорошо, хорошо... Короче говоря, я сделал этой Леле, потом маршалу. Маршал войск связи! Они мне сказали. Я зашел, когда я сделал маршалу, так мне секретарь маршала говорит: "Мишенька, мне звонила Роза - Роза Исааковна, жена маршала Пересыпкина, - она узнала, я не знаю откуда, что здесь у нас по-

явился мастер, а она печатает мемуары своего мужа. А машинка плохо работает. Вы бы не могли ей там исправить машинку? Я говорю: - Слушайте, Марь Иванна, какой разговор, где она живет? - Вас отвезут на машине. - Я говорю: - Я только скажу майору Мягкову, где я есть, я же не могу сам уйти... - Да-да-да, пожалуйста, скажите, скажите, что я просила, там маршала жена... Я пришел - так и так. Какой разговор! Маршал, ты представляешь, хозяин всего этого, хозяин всей связи Красной армии. Дают машину, я выхожу, сажусь в машину, шофер меня везет - Дом правительства, знаешь? Кинотеатр "Ударник". Заводит меня шофер, там дежурный сидит, позвонили: Мастер какой-то. Она говорит - да-да, я просил его, пропустите. Я зашел. Такая квартира! А я в сержантской шинели... Вешалка, на вешалке висят плащи, с такими звездами, а я снял свою шинель и повесил - три звездочки, лейтенант. Она так посмотрела на меня... "Ну, где вы будете работать?" Я говорю: - Да мне все равно, но стол мне нужен. Там, где домработница готовит пищу, уголок мне дали, я посмотрел, в машинка небольшая, портативная. Я говорю: в чем дело, скажите мне? Она сказала. Я повожился там, часа два с половиной, сделал, позвал ее: - Роза Исааковна, пожалуйста, посмотрите. Она говорит: - Как вы меня выручили, вы знаете... Сколько я вам должна? - Я говорю: Вы мне ничего не должны. Я на службе. - Ну как же? - Я говорю: вот так. Я деньги получаю, и мне ничего не надо. Я работу вам сделал. - Нет, я не могу, мне надо вас отблагодарить. Уходит, приносит бутылку вина, икра, какие я не видел даже, не нюхал, такие бутерброды. Села, бокалы такие для вина, мне бокал наливает вина и себе чуть-чуть. Я выпиваю, закусываю, она мне - спасибо, спасибо, дорогой. Ну, я выпил пару бокалов, грамм 200 вина выпил наверное. бутербродики эти поел... да, когда я стал уходить, маршал приехал. Мне так неудобно, ты представляешь, он зашел, спрашивает ее: это кто такой? Он не один был там. Руки не подал. Ему тогда было лет шестьдесят, наверное. Она меня проводила, я ушел и больше я у нее не был. Да, заканчивается двадцать суток, меня вызывает генерал полковник Фурцев, я прихожу туда, а там секретарь, эта Леля. Говорит: - Мишенька, вы хотите у нас работать? Я говорю: - Я уже отработал у вас двадцать суток. - А вы еще хотите у нас работать? - Не откажусь. - Сейчас. - Зашла, выходит через 2 минуты, - Зайдите. Там Николай Демьянович (это Фурцев). - Разрешите? - Заходите. - Я зашел. - Товарищ генерал-полковник, сержант Хенкин прибыл по вашему приказанию. - Смотрит на меня и улыбается. - А где ваша командировка? - Достают? - На сколько вам продлить? - Я говорю: - Я не знаю, товарищ-генерал, это дело ваше. - Ну на двадцать суток, хватит вам? - Я говорю: - Сколько вам надо, на столько и продлевайте. На сколько я вам нужен. (По-моему, у меня даже есть еще где-то эта командировка даже). - "Срок командировки продлить на двадцать суток.

Генерал-полковник Сурцев." Езжайте, получайте продукты и приезжайте работать. И так - все. Кончились эти 20 суток - меня еще на 20 суток., еще на 20 суток, еще. Тут генерал меня вызывает, начальник училища и говорит: "Вы что это, забыли, что вам в училище надо возвращаться?" - Я говорю: Товарищ генерал, я не хозяин. Я служу. Что мне приказывают, то я и делаю. - Вы мне не рассказывайте сказки, я все понимаю. - Я говорю: Ну, смотрите... А что они могут сделать, когда те - звонок, и все. Короче говоря, я работаю, работаю, работаю. Кончилась война - я работаю, они меня не отпускают.

- Каждый раз на 20 суток?

- Продлевают на 20, на месяц, и все, я у них уже. Работаю, они уже привыкли ко мне. Вдруг приказ: Увольнение из армии 21-й год, увольняют из армии. Меня вызывают туда: товарищ сержант, вы подлежите демобилизации. Все понятно, приказ Сталина. Выписывают мне проходное свидетельство ? и направление в город Запорожье, откуда призывался. Туда. Выдают выходное пособие, тысячу пять тогда, теми деньгами - езжай в Запорожье. Все. Я уже гражданский. Я прихожу на свою работу, в главное управление связи, а там уже был не майор Мягков, а полковник Захаров вместо майора Мягкова. И тоже ко мне очень хорошо относился, и знал по работе меня, там все меня знали уже. Я говорю: товарищ полковник, я уволен из армии. У меня нет ни прописки, ни работы фактически, и мне направление в Запорожье дали, откуда я призывался. Это в кабинете у него (Кировская, дом 33), так смотрит на меня: А вы хотели бы у нас остаться работать? - Я говорю: Так у меня же прописки нет, товарищ полковник. - Я спрашиваю, вы хотели бы у нас остаться работать? - Я говорю: Хотел бы. - Пишите заявление. Начальнику такому-то такому-то от гражданина Хенкина. Прошу принять меня на должность механика по ремонту пишущих машин с первого такого-то сорок пятого года. - Тот трубку телефонную взял: Мне коменданта! Коменданта батальона! Капитана, да-да. - Там подходит кто-то. - Капитан, это полковник Захаров говорит. Я к тебе пришлю сержанта, ты его пропиши, паспорт оформи в отделении и выдай продовольственные карточки, а работать он будет у меня, он жить у вас не будет. Понял? - Что тот ему ответил, я не знаю. Мне Захаров говорит: Так. Садись в метро, поезжай до Казанского вокзала. Там на электричку до поселка Вешняки, сейчас это метро Рязанский проспект, тогда не было. До Вешняков доедешь, выйдешь из электрички, там пройдешь, спросишь, где батальон базируется, увидишь рынок - там батальон. Зайдешь туда, там проходная, вызовешь этого коменданта, тебя пропишут. Это ж тогда тысячи надо было заплатить, чтоб тебя в Москве прописали. Это, правда, не Москва была. А область. И я сдал все свои документы, он мне говорит: приезжай дня через три-четыре. Я приехал, получил паспорт, получил карточки, получил прописку и стал у них ра-

ботать. Вот так я остался в Москве.

***

- У меня вопрос будет в связи с прошлым вашим рассказом, - почему этот генералитет управления связи так ухватился за вас? Такая контора, красавицы-секретарши, они не могли, что ли, нанять мастера по пишущим машинкам?

- Главное управление связи Красной армии - называлось. Начальник Главного управления связи Красной армии был маршал войск связи Пересыпкин. Так вот, в 44 году, в декабре месяце после разгрома немцев в Крыму, это я потом отдельно расскажу, и отдыха после разгрома немцев в Крыму, а разгромили их в мае месяце, мы постояли, ремонтировали свою боевую технику, а потом наш полк, 8 отдельный гвардейский полк связи расформировали. И куда кого послали. Мой жребий выпал на Мытищи, а в Мытищах дислоцировалась Высшая офицерская школа войск связи Красной армии. И там готовили для последних операций - наши войска уже в Польше были, для последних операций по разгрому немецко-фашистских войск в Польше и Германии. Как я тебе говорил, когда я служил в первом полку связи в Москве, я занимался, кроме всего прочего, ремонтом пишущих машин в штабе полка, первого полка связи, а помощником начальника полка связи был капитан Ефимов, очень симпатичный человек. И он один в то время был с высшим военным образованием. Я рассказывал. И мы с ним подружились. Во время войны, когда мы выезжали на фронт...

- А почему Главное управление связи само не могло обеспечить себе...

- Так вот ты слушай! Мы выехали на фронт, и в том числе капитан Ефимов выехал. Там его сразу назначили начальником узла связи фронта. И присвоили звание уже майора. Я там с ним встречался очень редко - он в землянке, а я на Морзе работал, на аппарате Морзе. У нас землянка была, и там три или четыре аппарата Морзе стояли и мы на ключах работали. Техника Первой мировой войны, отсталая техника - аппараты Морзе, но нас учили и мы работали. Несколько раз он к нам в землянку заходил, этот капитан Ефимов, и когда он меня видел, он сразу: - О! Здорово! Здорово, Хенкин, здорово! - Ну, вот так вот мы с ним встречались, потом через полгода или через сколько я его уже встречал - он подполковник. А к концу войны он уже был полковник. Вот так наши пути на фронте встречались. А потом, когда меня направили в Мытищи, я тебе рассказывал, как служил, а это Главное управления войск связи располагалось Кировская, дом 33. И никому, никому не надо было, как он там работал, начальник ведал всем этим делом, хозяйством, вот этими машинками и прочее, как завхоз. Там был такой майор Мягков, он должен был обеспечить всех бумагой, копиркой, карандашами, чернилами, вот такие вот... А в отношении ремонта пишу-

щих машин не доходило до него, что можно где-то отремонтировать.,,

- То есть ему не приходило в голову, ведь Мясницкая, 33 находилась в нескольких метрах от того, где ремонтировали пишущие машинки до войны?

- Да, не несколько метров, а это находилось в районе Красных Ворот, мастерская была.

- Ну, там все равно 5-10 минут..

- Да, но дело в том, что все были механики в армии, одни калеки были в мастерских. Они ходить не могли, на костылях, вот такие были. А все более-менее с ногами-руками, все были в армии. Инвалиды были, как правило, безрукие даже были, и без ног, без одной ноги, без обеих ног, на костылях. И кто пойдет, а это надо по этажам бегать... А потом, им плевать было на это все - испортилась машинка, они где-то брали другую, старую какую-то. Они выходили из положения. А когда меня встретил этот самый Ефимов в этом училище, он знал, на что я способен, то он мне сразу предложил. Он знал, где он работал, он же работал в этом управлении, у него там в комнате, где он работал, там несколько офицеров сидели и там были две или три машинки, и он сам печатал, знаешь, секретные бумаги, которые нельзя давать, тогда их сам печатал. Но как печатал! А когда он меня увидел, то он посчитал, что это же удовольствие иметь своего мастера, который будет непосредственно там находиться и по первому вызову он все будет исполнять. И наладит, - он знал уже меня, на что я способен, - поэтому он предложил: - Если хочешь, то я тебя могу устроить и будешь работать у нас, обслуживать.

- Ну как вы могли не хотеть?

- Я, конечно, согласился, Вот так я попал туда. А когда я туда попал, и они меня раскусили, а они ко мне присматривались очень, пришел сержант, война идет, он из училища, но это училище под крылом этого управления было. Потому что этому Главному управлению связи подчинялись все академии связи, училища связи, а это я был в училище связи. Поэтому для них ничего не стоило взять одного, двоих, троих - мы же были как пушечное мясо, нас можно было куда хочешь взять. Когда я туда пришел, ко мне они присматривались - этот Мягков, который заведовал хозотделом, он смотрел на меня: - мол, сачок, знаешь есть такие. Хочет здесь отсидеться. С такой подозрительностью на меня...

- Сами - то они тоже отсиживались. -

- Но о них я не говорю. Что он из себя представляет, то есть я. Когда я первую машинку сделал вот этой Леле в секретариате Сурцева, вторую машинку сделал, они сразу начали интересоваться - этот майор заходил в этот секретариат и у главной машинистки спрашивал: ну как этот мастер, что он из себя представляет, вообще соображает, как он

сделал? - Ой, - она говорит, - товарищ майор (она его, правда, называла по имени-отчеству, я уже не помню), это отлично, это то, что надо, это подарок для нас. Я тебе рассказывал, что она мне книжечку дала для питания в столовой Высшей офицерской? Ну вот, поэтому они увидели, я же в секретариате сделал машинки, потом у маршала сделал, а потом я тебе говорил, секретарь маршала Пересыпкина послала домой к нему - она халтурщика бы не послала какого-то.

Значит, к концу 41-го года немцы наступали по всему фронту, начиная от Мурманска и кончая Черное море. Я был на Южном фронте - так назывался, Южный фронт. И вот этот Южный фронт откатывался, откатывался по югу Украины. То есть мы шли так - от Львова - Винница, Первомайск, под Одессой были, Николаев, Херсон, Запорожье, Днепропетровск, Донбасс. Отступали, бежали на машине и больше пешком. Полная выкладка, летом, то есть шинель в скатке, винтовка, противогаз, патроны, лопатка. Все. И отходили, отходили, рыли землянки, рыли окопы и оказались в Донбассе. В Донбассе наши приняли жесткую оборону и простояли зиму. В конце мая - начале июня немцы как долбанули по Южному фронту! И сразу они, весна 42-го года, они сразу наши войска сбросили с Керченского полуострова в море, Керченский пролив, сбросили там целую армию, захватили Севастополь. Армия немецкая под начальством генерала-фельдмаршала, забыл его фамилию, точно не могу вспомнить. А потом по нашей армии долбанули, где мы стояли в Донбассе, и мы начали откатываться. Сначала мы отходили на Сталинград, дошли до города Морозовск. Морозовск находится на полпути между Ростовом и Сталинградом, а потом приказ был и наш полк повернули на Северный Кавказ, мы давали связь. Они одновременно прорвались и на Северный Кавказ пошли, немцы. И мы очутились - Пятигорск, Армавир, Железноводск - вот вся группа Минеральных Вод. А немцы перли. А потом нашу часть перебазировали в район Новороссийска. И нам поставили задачу защищать Черноморское побережье. От Новороссийска и туда южнее, вплоть до Сочи. Новороссийск, Анапа, я уже забыл там где. Туапсе... И вот мы заняли жесткую оборону в районе Новороссийска, и здесь нашу армию переименовали, она стала называться Отдельная Приморская армия Черноморского флота. То есть Черноморский флот и сухопутную армию объединили и называлось коротко - ЧГВ - Черноморская группа войск. И там мы стояли июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь - самое тяжелое время, когда немцы уже прорвались к Сталинграду, и бои шли непосредственно в Сталинграде, они даже в некоторых местах форсировали Волгу. А мы здесь оборонялись, отошли за Новороссийск, там завод цементный, и там наша оборона была - рыли постоянно, постоянно прорывали землю, потому что у немцев были очень хорошие аэродромы в Крыму. А там рядом, и там чаще всего ясная погода, и они нас

бомбили постоянно, мы несли очень большие потери. Поэтому нас заставляли рыть. Нас постоянно заставляли, без дела не сидели, кирками долбили, там почва не земля, а каменная. И вот мы врывались. И вдруг слышим по радио важное сообщение, что наши войска 19 ноября 42-го года перешли в контрнаступление под Сталинградом и в течение 3-х дней окружили армию Паулюса, которая захватила фактически весь Сталинград. Он же был разрушенный, там домов уже не было. И когда окружили эту группировку, и мы начали продвигаться на запад. очень быстро, наши войска начали продвигаться, в том числе захватили Ростов, а это далеко от Сталинграда. Это было в конце 42 года, ноябрь, декабрь и январь 43-го даже. Очень быстро стали продвигаться. А армия Паулюса была окружена. Я сейчас вспомнил - Монштейн, командующий был войсками в Крыму, который разгромил наши войска на Керченском полуострове и Севастополе. И вот, когда окружили армию Паулюса, то Гитлер дал задание Монштейну, своими армиями, которыми он продвинулся вплоть до Владикавказа, повернуть на север, и разгромить наши армии, которые окружили Паулюса, высвободить войска, окруженные нашими войсками. И он начал усиленно продвигаться на север. Когда он начал продвигаться, то ослабили его позиции в районе Минеральных вод, вот этих вот городов, и наша северная группировка войск на Кавказе начала продвигаться, в том числе и наша группировка - Черноморская группа войск начала продвигаться в горах. Севернее Новороссийска. мы начали тоже продвигаться. А у немцев очень сильная группировка была на Кавказе. Ну и они продвигались, Чечня была оккупирована, они не дошли, для того чтобы освободить армию Паулюса, что-то не дошли километров 10-15. Если бы они прорвали нашу оборону, то они бы освободили эти войска, которые были окружены нашими войсками. А там было окружено триста тридцать тысяч войск. Когда Монштейна армия подошла, но навстречу Монштейновской армии вышла новая группировка танковых войск, это Второй Донской фронт, что ли, был под командованием Малиновского. И там очень тяжелые бои шли недели две, и все-таки наши отстояли и не допустили прорыва армии Монштейна на выручку армии Паулюса. А наша группировка вышла от берегов Черного моря, вышла на оперативные просторы на Кубань и начала давить войска, которые находились на Кубани. Ну и они начали, конечно, откапываться на юг. А северная группировка долбила их, заняли Ростов, дошли до Харькова, Харьков даже освободили. Наши войска начали продвигаться по Кубани в сторону Крыма. Кубанская группировка. Вот там, на Кубани наша авиация полностью господствовала в воздухе. Был перелом. 43-й год, это был уже март 43 года, наше полное превосходство. Штурмовая авиация и истребительная. Там были такие асы, как Покрышкин, братья Глинки, еще, я уже забыл фамилии этих асов,

летчиков.

- А правда, что самолеты были деревянные?

- Ну как, деревянные. Некоторые детали были, действительно... Деревянный корпус.

- Два истребителя были - Лавочкина и Яковлева.

- Во-первых, не два а больше были, были Яки, были Лавочкины, были Миги, Николая Гуревича, были еще, я уже забыл. Корпуса у них были из дюралюминия, дюралья, а кабина бронированная была сталью, кабина летчика, а крылья были из дюралья. И вот наша армия, Черноморская группа войск, а потом ее опять переименовали, она стала Отдельная приморская армия, - и мы начали продвигаться по Кубани, освободили Краснодар, Крымская станица, еще целый ряд. Я сейчас тебе не могу припомнить, там десятки, сотни станиц. Крупные, такие. И начали двигаться, двигаться в сторону Керченского пролива. Дошли до Керченского пролива, уже к концу 43 года. И начали, наша армия начала форсировать Керченский пролив. Ширина его 4 км, и что там интересного - наши даже не знали, не все знали об этом, - половина пролива течение идет в Черное море из Азовского, а вторая половина идет наоборот - течение из Черного моря в Азовское. И мы подошли к этому проливу, а на одном берегу немцы, они бьют по нашим войскам из артиллерии, минометов, а наши их лупят. Короче говоря, ночью нам дают рыбацкую лодку, дырявая вся, но большая лодка, так на 10-12 человек и весла, какие там весла! Доски. И котелки, и вот так вот греби. А к тому времени уже наша одна дивизия закрепились на Крымском берегу. И они нам подавали сигнал ночью, эти, этими фонарями такими сигналили. А немцы, самолеты их бросали фонари такие зажигательные и они освещают как днем. Долго на парашюте опускается и светло. И вот нам дали лодку и старший говорит... Да, в лодке у нас аппараты Морзе и телефонные аппараты, и радиостанции. "Вот видите, там мигает? Вот туда вы должны причалить. Гребите, вот видите, течение сюда идет, а вы в другую сторону гребите." Мы там гребем, гребем, полпролива проплыли - а потом нас начало сносить в другую сторону, к немцам. Елки-палки, что ж такое? Если б нас предупредили, мы бы к этому готовы были. Два солдата котелками воду выгребают из лодки, потому что она утонет, перегружена, остальные гребут, мы мокрые были все от воды. Гребем, гребем, 4 километра все-таки проплыть без подготовки... Да они еще обстреливают из минометов, освещают, из артиллерии. Еле, на последнем дыхании мы добрались до Крымского берега. Выпрыгнули, выше колена воды, думаем - слава богу, уже берег, твердая земля. И там еще такие, не одна лодка шла, много. В некоторые лодки попадали мины, и они сразу на дно. И вот так мы вылезли на крымский берег, еще лодки подходили, подходили, и нас грели там в землянке, нам главное высушиться было. Сняли свои штаны, об-

мотки - мы в обмотках были, - из сапог вылили, не сапоги, ботинки, вылили воду... И там сидели в этих землянках несколько суток, пока подкрепление не подошло, много, побольше сил. А в это время Северная групп войск из района Донбасса начала продвигаться по югу Украины и дошла до Перекопа, а потом наши войска здесь под командованием генерала армии Еременко перешли в наступление на Керченском полуострове и продвигались довольно быстро, в том числе наш полк, который давал связь всему фронту. И мы начали продвигаться по побережью. Освободили Керчь и пошли на южный берег Крыма. Алушта, Ялта, Гурзуф, вот эти места, по берегу шли. До Севастополя идти не могли, потому что там немцы были, а другая группировка шла на Симферополь, и оттуда армия, 51 армия подошла к Симферополю. Симферополь брали уже две армии - Черноморская, Отдельная приморская армия и 51 армия Южного фронта. Освободили Симферополь, и потом наша группировка, которая шла по южному берегу Крыма, она освободила и тоже в Симферополь мы пришли и там остановились. Я переписывался последние месяцы 44 года с Аркадием. Он был тогда уже в Румынии врач. Он врачом был. А я ему писал, что я на Южном Фронте, буду наверное, в Крыму. Он мне, значит, пишет: "Если ты будешь в Крыму (а это я уже был в Крыму лето 44 года), то зайди по такому--то адресу, ? дом 5, там, возможно, уже эвакуировалась обратно моя жена Сара Шустер." Я получил это письмо и пошел по этому адресу. И действительно, пришел я во двор и я познакомился там, увидел первый раз Сару, Аркадия первую жену, мать Вадима. Там я с ней познакомился. Она мне понравилась.

- А Вадим в каком году родился?

- В 46-м. По-моему. Короче говоря, мы в Симферополе, наше отделение остановилось уже не в землянках, а нас размещали по домам. В одном дворе мы остановились, у нас радиостанция была, а сами в доме, саманный дом, мы там, десять человек, кто где спал - на полу, на топчанах и все прочее. Но что интересно - хозяйка этого дома, где мы остановились, она работала в Симферополе на хлебозаводе. Тогда с хлебом было очень тяжело, карточная система была. Она, конечно, воровала там хлеб, как все делали, и продавала нелегально. Поймали бы - судили бы. Она приносила хлеб и нам давала, нам не хватало тоже хлеба. Правда, нам 800 грамм давали. И нам давала, а потом она нас спросила: "Ребята, может вы кого знаете своих, я продаю хлеб, дешевле, чем на рынке". Ко мне Сара со своей двоюродной сестрой Полиной стали приходить, жили мы, я забыл уже, как это место называлось, я с твоим отцом туда ходил... Полярная улица.

- Давно ходили?

- Ну, я приезжал после войны.

- Там сохранилось это все?

- Что-то сохранилось. И вот, я, когда Сара как-то пришла ко мне, а она искала, не знала где я, я ей сказал примерно, вот она спрашивала: а где здесь сержант Хенкин находится? - Спрашивала военных, все же военные были. И они потом: кто это к тебе ходил, спрашивал, гражданские бабы? - Я говорю: родственница. - Да ладно тебе трепаться, родственники! Короче говоря, один раз они ко мне пришли в один из вечеров, я и говорю Саре: Сара, вам хлеб нужен по более дешевой цене, чем на рынке? Она: Что ты спрашиваешь? Кто откажется? - И она несколько раз приходила к хозяйке, натихаря заходила в дом и та ей давала буханку или две буханки хлеба, она уходила. В мае месяце стали выселять татар из Крыма, татар, греков, армян.

- А армян-то зачем?

- Затем, это Сталина надо спросить. Короче говоря, нас ночью по тревоге подняли, три солдата, как я, и один офицер, в каждый дом заходили: татары, греки, собирайтесь! В течение полчаса собраться, мы их грузили в студебекеры, американские грузовые машины, и в Симферополь на вокзал. А у них полный дом был - козы были, коровы были, куры были, гуси были, свиней не было, они свиньями не занимались. Полные чердаки были сухофруктов. Они нас, правда, кормили, варили нам компот из сухофруктов, без сахара, а был вкусный, сладкий. Я не могу сказать, они неплохо к нам относились, но приказ есть приказ. И вот мы принимали участие в выселении татар, греков и... И мы, короче говоря, заняли эти все квартиры их. Татарские. Вот они выехали, оставили там подушки, одеяла, что они могут взять на плечи? Причем, в основном были старухи и дети, старики, а таких молодых, они все в армии были.

- В какой армии?

- В Красной.

- И что же они, когда узнали, что выселили их родственников.

- А это я не знаю, они были в частях на всем советско-германском фронте. Даже семьи Героев Советского Союза, татар, выселяли все равно. Короче говоря, Сара ко мне приходит...

- Крымские татары, да?

- Крымские. Только крымские. Казанские татары, если там были, их не трогали. А почему их выселяли, я тебе сейчас скажу, они во время оккупации Крыма сотрудничали с немцами.

- Жить-то всем хочется...

- Да. Я говорю: - Сара, смотри, татары уехали, подушек сколько осталось, хорошие пуховые подушки... Возьми! Куда я могу их деть? - Она с Полиной приходила, своей двоюродной сестрой, она взяла пару подушек - здоровые, хорошие, пуховые и унесла. Вот так. Ну, а ...

- **А куда ж козы подевались, коровы, гуси?**
- Коровы, козы - их надо доить. Так у нас были в полку девушки, радистки, их заставляли доить, а потом на бойню, не знаю, я уже...

- **Мясо подешевело наверное?**

- Да, я это тебе не могу сказать.

- **Вы скоро уехали?**

- Нет, в мае их выселили, в мае 44-го, а меня отправили из Крыма в Москву в декабре. там мы учились, переподготовка шла, переквалификация. Вот так я оказался в Крыму. И там я виделся с Сарой, и ее родственниками, с ее матерью. И потом там появился Наум. Приехал с фронта тоже. В Симферополь. Приехал к Саре. А потом появился Аркадий там, тоже отпуск дали на несколько дней. И я с ними таким образом встретился. Ну а потом я уехал с Крыма, и я там не был наверное лет 20. А потом мы с Люсей поехали отдыхать на Южный берег Крыма, это лет через 20 после окончания войны. И вот мы отдыхали на южном берегу Крыма, и там организовывались экскурсии в Севастополь. Автобусная. Примерно в 65 году. Я Люсе говорю: - Люсь, давай поедem в Севастополь. Я ж там не был с 44 года. Она - давай. И мы поехали в Севастополь. Он уже восстановился, построили дома и все прочее. Потом нас привезли на Сапун-гору. И там экскурсовод стал объяснять - стела стоит, высокая такая, и музей. И вот он начинает объяснять - такие-то армии, такие-то части принимали участие в освобождении Севастополя, а я стою слушаю и читаю: такая-то часть, такая-то часть, потом читаю - 8 отдельный краснознаменный полк связи принимал участие в освобождении Севастополя. И я, когда это прочитал, опустил голову и у меня слезы накатили. Этот экскурсовод, мужчина, увидел это, подходит ко мне и говорит: - Что с вами, плохо стало? - Я говорю, нет, со мной не плохо стало, а я увидел часть, в которой я служил и которая принимала участие в освобождении Севастополя. - Какая? - Я ему говорю. - Он мне взял под руку. А мы таких людей ищем. А он из музея. И он меня завел в музей, а ведь группа наша вся, экскурсанты, он меня завел в музей, а там женщины, сотрудницы, он говорит: - Вот товарищ, который принимал участие в освобождении Севастополя. - Они сразу ко мне. - Я им: - Вы понимаете, я же здесь с группой, я не могу отстать. - А мы вас долго не задержим, 10 минут. - Достают вот такую вот толстую книгу, там не одна у них много, и спрашивают: В какой части вы служили при взятии Севастополя? - Я говорю: В восьмой отдельной гвардейской, краснознаменный полк связи. - Они листают, листают, а я не вижу, что там написано. Я стою, они сидят. Нашла. Потом она мне говорит: А кто у вас командиром части был? - Полковник Акимов. Якимов. Акимов это другой. Якимов. - А комиссар части кто был? - Подполковник Астрахань. - А ваша как фамилия? - Начала искать, там

листы, по алфавиту все, нашла. Дает мне вот такую анкету, вопросов 50 там, чтоб я заполнил. - О чем вы говорите, у меня здесь группа, я так могу отстать. - Нет, вы возьмите. Вы где живете? - В Москве. - Там заполните и почтой пришлете. И дали конверт с адресом. И я так уехал. Мы с Люсей ушли. У меня все спрашивали наши, с которыми я приехал, ко мне начали относиться так, знаешь... Короче говоря, я поехал домой, все заполнил, отправил. И каждый год в День Победы я получаю поздравительные открытки оттуда, а круглые даты - 25, 30 - вызывали туда, и я туда ездил, летал, с Люсей и один. И там мы тогда уже встречались и с Саввой, были у вас дома с твоей мамой, с Аркадием, с Сарой, у Сары останавливались часто. А вообще мы в гостинице останавливались, "Украина", что ли, гостиница, где танк стоит там. Вот там мы останавливались, в этой гостинице, к нам Аркадий приходил, очень весело проводили время. После этой перестройки все заглохло, все оборвали. Музей, очевидно, ликвидировали, кто там будет этим зарплату платить. И так далее. Вот я тебе рассказал о том, как я попал в Крым. На этом можно закончить.

****

- С 45-го по 48-й год. Я работал там как военный, они меня уже знали прекрасно. Вот этот майор Мягков, ко мне прекрасно относились, я тебе говорил, мне давали талоны, все на питание.

- **Как сыр в масле?**

- Как? Я работал, выполнял свои обязанности.

- **Неужели там так много машинок?**

- Очень много. Мне хватало работы.

- **Сколько?**

- Я не знаю, ну штук сто, может больше.

- **И они все время ломались?**

- Ну а как же, техника!

- А когда вас уволили, кто там стал ремонтировать?

- Ты слушай, я тебе сейчас расскажу. Вот, я там работаю, и я на своей комнате, где я работал, написал большими буквами, мне там написали: "Мастерская по ремонту пишущих машин". У меня ключи были, я там ночевал. И ко мне стали в эту комнату заходить приезжие с фронта генералы, офицеры ...

- **Связисты только?**

- Конечно. Они же приезжали в командировку в Москву. Они видят - мастерская по ремонту пишущих машин, заходят.

- **А на как ом этаже вы были?**

- На четвертом, что ли.

- **А как они могли, они что, специально там ходили, что ли?**

- А как же. Комнаты, приемные были генеральские, они ходили, идет по коридору, ищет, смотрит - моя комната. Заходит случайно абсолютно. - Вы мастер? - Да. - Слушайте, вы знаете что? Я привез с фронта (а уже наши войска в Германии были) пишущую машину. Но она на немецком языке. А переделать ее можно на русский? - Конечно, можно. - А вы этим занимаетесь? - Да. - А как бы это сделать? - А где вы живете? - Он мне рассказывает, где он живет, адрес дает. Я говорю: - Я в субботу-воскресенье могу к вам подъехать и дома прямо буду делать, за два дня я вам все сделаю.

- **А почему дома?**

- А где я могу делать? Если он сюда принесет свою машинку, то он ее не вынесет. Внести - да, а вынести ему уже не разрешат. Там же часовые стоят.

- **Но неудобно же у людей дома делать.**

- Вот в том-то и дело, что там я делал. Однажды я привез к Фруме машинку маленькую, портативную и стал делать, так я там сидел, они уже спать ложатся, а мне надо работать. Одна комната была, я спешу, Фрума, Ника, Монькина жена, Монька на фронте уже был, пацан 3 года или 4 года, вот их три - я четвертый. Одна комната! Коммунальная квартира, там еще три жильца было.

- **Три семьи?**

- Три семьи, да. Они занимали комнату на девятом этаже без лифта, лифты не работали. Девять всего этажей было, девятиэтажный. И вот я принес эту пишущую машинку, с вечера стал... **** ... Наум на фронте был.

- **А он же приезжал?**

- **Это в Симферополе уже, после. А это был 45-й год уже.**

- А он был на фронте?

- Да. Он был уже здесь в Москве, болел что ли. Но его не было тогда, когда я был. Принес я эту машинку с вечера, спрашиваю: Можно ли работать. - Конечно. И я сижу работаю, а это ж не на один час, ни на два. 10 вечера, 11 вечера, свет горит, а они уже лежат. Так она: - Мы уже устали, давай заканчивай.

- **И вы не успели сделать?**

- Конечно, нет. Я закончил, недоделано, конечно, все. И больше я уже не приносил туда. Поэтому я, которые мне предлагали такую работу, я ходил на дом к ним. У меня весь инструмент был в чемодане, все, что нужно. Я договариваюсь, прихожу к девяти утра и часов до десяти. На завтра опять прихожу и до обеда я заканчиваю. Вот так. За работу я брал 1500 рублей. А детали к этой машине, переделать шрифт, стоило

мне от 250 до 300, даже до 400 рублей. Значит, я на каждой машинке имел 1100-1000 рублей. Работы мне хватало, была работа такая.

- **А какие тогда цены были, зарплата какая была? У обычных людей?**

- Рублей 700-800.

- **А сколько хлеб стоил?**

- Не помню уже. Дорого стоил. Я стал зарабатывать. Появились деньги, я знал, что меня скоро демобилизуют, я начал копить деньги, купил себе коричневое кожаное венгерское пальто, кожаное, с каракулевым серым воротником в комиссионном магазине за 10 тысяч рублей.

- **Это было очень дорого, наверное?**

- Да. И я его отнес своим родственникам, были у меня, жили здесь на Покровке. Там у них повесил. Потом я купил второе кожаное пальто, черное, длинное, оно у меня вместо одеяла было. Хорошее такое пальто! Потом я купил отрез на костюм, костюмов не продавали, а на рынке продавали материал из под полы. Шевиот, бостон назывался. Я купил такой отрез, мне знакомый один сосватал портному.

- **Могли квартиру купить?**

- Нет. Тогда нельзя было, тогда не продавались, ты что? Никаким путем. Даже прописаться было невозможно, купить!.. Это сейчас купить можно, продать... Короче говоря, я купил себе, пошил костюм, потом купил одну рубашку светлую в полоску в ЦУМе в очереди стоял за ней, она мне стоила 800 рублей рубашка одна, потом вторую рубашку из шелка, вискозы...

- **Рубашка месячную зарплату стоила?**

- Да. Потом полуботинки купил. Коричневые, полторы тысячи. Таким образом, я уже был приодет, жених был, приодет. Кроме того, вот эти машинистки, которые там работали, которых я обслуживал, они ко мне обращались и говорили: - Мишенька, у меня знакомая есть, жена писателя, который написал "Падение Берлина", забыл его фамилию... Она - диктуют ей, она пишет сценарий. Вы бы не могли подойти к ней домой, она живет на улице Горького, просила - я как-то с ней говорила, - мастера? - Я говорю: - Можно. Доехал - сделал. И опять денег наличными, я уже не помню сколько. Вторая машинистка говорит: - У меня знакомая там-то... Еду. Третья машинистка говорит. Четвертая машинистка говорит: - У меня личная своя машинка дома, вы мне можете сделать? - Я говорю - могу, в воскресенье только. Еду, делаю. Платят мне. Одна машинистка жила, я помню, по северной дороге, Перловка, я к ней поехал, сделал, таким образом у меня начали появляться деньги. Благодаря которым я оделся. Приоделся. Наступает 46 год и меня демобилизовывают. ну, я тебе, по-моему, говорил уже, ког-

да меня демобилизовали, то я пришел и говорю - уже Мягкова не было, майора, а был полковник Захаров, начальник общего дела, я ему сказал: товарищ полковник, меня уволили из армии и все, я уже работать у вас не могу. А он говорит: - А вы хотели бы у меня работать остаться? Я тебе это рассказывал. Я говорю: хотел бы. - Тогда пишите заявление...

- А, прописку, прописали...

- Короче говоря, меня прописали. И я там продолжал работать на окладе 700 рублей. Работаю, уже вольнонаемным, 46, 47, 48 - началась кампания космополитизма.

- Космополитизм - это 52-й год, дело врачей?

- Дело врачей в 52-м. Это уже вершина была, уже суд должен был, уже их должны были вешать на Красной площади. А травля началась уже в 48-49-м. И в этом Главном управлении связи работал один генерал-лейтенант доктор технических наук Кляцкин (?) еврей, и два сокурсника Монькины, с которыми он вместе до войны учился в Ленинградской электротехнической академии, евреи два, они уже были в звании полковника. У одного фамилия Фаторович, а у другого я уже забыл, то же что-то, такая. Их уволили. Потом меня вызывают в Особый отдел, отдел кадров, и говорят: товарищ Хенкин, вы знаете, вы нам уже не нужны.

- Вы спрашивали, почему не нужен?

- Да. Они говорят, мы заключили договор с государственным предприятием по обслуживанию нашего управления. А тогда уже преобразовалось, и это Главное управление связи Красной армии подчинялось Министерству обороны. А Министерство обороны помещалось и где оно сейчас помещается - на Арбатской площади. А там большая мастерская была, и в войну она там была, кстати, инвалиды работали, а они мне говорят, что вы теперь нам не нужны, мы с этой мастерской заключили договор и по первому вызову они к нам приезжают. Это потому, что время подошло такое. Нельзя было держать меня.

- Почему вы в этом уверены? Вдруг на самом деле они заключили договор?

- Это ж не они заключили, а им приказали. Когда меня уволили, они вынуждены были заключить договор с этой мастерской.

- Может быть, они сначала заключили, а потом уволили?

- Нет. Был приказ уволить таких людей по пятому пункту. А потом обслуживать надо, они с той мастерской сразу заключили договор.

- Но вам же они сказали наоборот

- Мне сказали, Моньке тоже сказали. В один день уволили всех евреев из этого полка, где Монька служил. В один день! А их там было человек 20, офицеры все.

- Но, что касается офицеров, это отдельная песня, а к вам-то чего пристали?

- Я уже гражданский был тогда, не военный. Я вольнонаемный был.

- Может, такая ситуация: зачем платить зарплату человеку, если государственное учреждение будет ремонтировать бесплатно?

- Да я у них был на должности, ты понимаешь? Никакого криминала не было.

- Просто могли заругать, что тратят лишние деньги на вас. Ведь ремонт бесплатно бы обходился.

- Короче говоря, вот так обстоял вопрос и меня уволили. Больше они со стороны мастера не брали, а заключили договор с мастерской.

- У вас там знакомые остались, Леля там, еще?

- Обязательно остались. А я туда не ходил. А зачем мне это надо было? Когда меня вызвал майор Смирнов и сказал - вот, мы вас увольняем. А я что, не понимал что ли? Зачем мне лишние вопросы задавать?

- Но вы могли бы спросить у этих машинисток..

- Зачем? Когда такая ситуация создалась, время такое было. На рожон лезть? Когда все ходили по углам, шептались: видите, вот всех уволили евреев у нас, видите как? И в столовой, везде об этом речь шла. Почему меня уволили, да?

- У нас же не было безработицы, если вас в одном месте уволили, вы пошли в другое. Устроились на работу.

- Так я пошел в другое, по сравнению с этим, это государственное предприятие, Министерство обороны, а я пошел устроился на фабрику ширпотреб.

- У нас все фабрики государственные.

- Да, но это ж не то! Министерство обороны - и легкая промышленность, местная промышленность.

- Увольняли из престижных мест, что ли?

- Вот именно что, главное - из основных. предприятий. Из Академии наук, с министерств ключевых.

- Но вот это как - то странно, потому что в Академии как были евреи, так и остались.

- Ничего подобного! Поразгоняли большинство, ты не знаешь. Большинство разогнали, единицы остались. А потом, после 52 года, когда этот подход, усатый, оттепель наступила, Хрущев на XX съезде его раздолбал, и легче стало. Я тебе рассказывал, не знаю, о случае, как обсуждали Илью Эренбурга.

- Рассказывали.

- Ну так вот. Поэтому я тебе говорю, как это происходило.

- Хорошо, вы какие-нибудь признаки замечали антисемитизма на работе?
- Нет. По отношению, ко мне нет.
- То есть этот антисемитизм он был не на бытовой, а правительственный?
- Совершенно верно. Абсолютно верно. Сверху директива была - избавляться от них.

- А чем это объяснялось?

- Я тебе сказал, по отношению ко мне. А что объяснять, когда в печати везде было: космополиты, безродные, все прочее и прочее....

- А смысл какой? Зачем это нужно было Сталину?

- Сталину? В 39 году ему Гитлер прислал письмо, когда у них были теплые отношения. И он ему пишет: "Господин Сталин! Когда вы решите еврейский вопрос, так, как мы решаем его здесь, в Германии?" А Сталин ему отвечает: "Мы решим этот вопрос, но сейчас не время", - а это самое перед войной было, напряженное время. И вот он стал решать этот еврейский вопрос после войны, уже когда победа прошла и все прочее. В Москве в то время, в 52 году были поданы эшелоны, уже эшелоны стояли на Казанском вокзале, всех евреев из Москвы выселить в Биробиджан. Больше того...

- А из Ленинграда?

- А из Ленинграда, я не знаю. Наверное, и там. Так же выселили бы, как татар из Крыма, и чеченцев, и калмыков, там много народа выселили. Вот такая участь ждала, ты понимаешь? И слава богу, что он подох. Все радиостанции мира - "Голос Америки", "Би-Би-Си" - все об этом твердили: вот, вот, вот... Должен был суд состояться над этими врачами. Обвинительное заключение, к которому они, эти врачи, признавали себя виновными, что они травили простых людей, они травили членов Политбюро и что только не приписали им. И они себя признали виновными. Вот как было все сфальсифицировано. А когда он подох, так тот же Берия сказал, что мы все понимали, что это все липа, это все вранье. И Эта Ольга Тимошук, которая простой врач была в Кремле, она, видите ли, видела как эта профессура неправильные рецепты выписывают, неправильные диагнозы ставят. А потом ее наградили орденом Ленина за это, что она разоблачила врачей-убийц, а потом у нее орден Ленина отобрали, ее выгнали с работы. Вот какое время, а ты говоришь: "Вы спрашивали или нет?" Чего спрашивать, когда все ясно было. Плевать им было, они заключили разговор с этой мастерской и продолжали по вызовам. Что-нибудь случилось, они звонят туда, а это недалеко, уже тогда Министерство обороны, где это Главное управление связи Красной армии, оно находилось на Фрунзенской набережной, напротив Парка Горького, а от Фрунзенской набережной до Министерства обороны на Гоголевском бульваре, там троллейбус ходил, от Крымского моста. А сейчас там Министерство обороны, глав-

ное артиллерийское управление, танковое управление, главное управление связи Красной армии, инженерное управление, там очень много. Вот это я тебе рассказал. И я тогда пошел и устроился, не сразу, очень тяжело было устроиться, я, наверное, месяца 2 не мог устроиться. И вот однажды я встречаю одного знакомого.

- Где вы жили?

- Жил я, я уже был женат, на Соколе, в бараке.

- А, так в 48 году вы уже были женаты?

- Я женился в декабре 46-го. Демобилизовали меня в августе 46-го, а женился я в декабре 46-го, в конце. Жил в бараке, на Соколе, там церковь есть. Две комнаты, коммунальная квартира, без воды, без газа, без ничего, без туалета, такая вот квартира. На улице туалет. Уборная, не туалет.

- Кто там жил? Там Люся с мамой жила?

- Люся, мама, Шурка и еще Люсина бабушка. Они там жили с 43-го года.

- А до этого они где жили?

- Они жили в Кунцеве. Свой дом. Когда начался космополитизм, в 48 году, в Кунцеве жило очень много евреев, и всех этих евреев в 48 году из Кунцева и там деревня Давыдково было, сейчас это Москва, всех евреев выселили. В Москву, куда хочешь езжай, только чтоб там не был. Почему, потому что там дача Сталина была. Евреи там не имели права жить. Пришли, сказали: чтоб завтра вашей ноги здесь не было. Куда хотите, туда езжайте. Не предоставляли квартиры. И они раньше еще уехали, отец еще жил, еще не был на фронте, Люсин, поэтому они еще раньше оттуда уехали. Значит, я встретил одного своего знакомого и говорю, что я безработный, хотел бы устроиться. "Слушай, такой специалист, как ты, как раз нужен на фабрике на одной". Эта фабрика помещается на Почтовой улице.

- У вас же были два пальта, это ж годовой запас денег...

- Да ладно, какой там запас денег годовой...

- Надо было золото покупать.

- У меня не было денег на это. У меня семья была уже, все втроедорога было. Короче говоря, я пошел на эту фабрику. Почтовая улица, прихожу - директор там сидит. Я говорю: здарсьте-здарсьте, я пришел по рекомендации Иванова. Я слышал, что вам нужен сюда слесарь по ремонту оборудования. А я это дело знал. - Вы знаете, конечно, мне так нужен такой человек, а где вы работали? - Я ему сказал, "покажите трудовую книжку" - я показал, - "вы мне подходите". Я думаю: слава Богу. Он мне говорит: "Вы мне оставьте заявление, трудовую книжку, приходите дня через два, я буду в райкоме партии, там у нас управление на-

ходится этих фабрик, я там переговорить должен..."

- Как, чтобы брать на работу, он советовался в райкоме партии?

- Да, там райком партии был и их управление, этих фабрик.

- Совмещенное что ли? Он по поводу каждого сотрудника советовался?

- Ну я не знаю, по поводу каждого или нет. Короче, он мне сказал, через два или три дня приходите. Я прихожу к нему. Он: Садитесь. К сожалению, я вас принять не могу. - Почему? - Вот я был в главном управлении нашем, потом в райкоме партии, и они мне сказали: "Вы что, у себя на фабрике синагогу собираете, что ли? Нет, мы его принять не можем." И он, русский, этот директор, так он мне говорит: "Вы не подумайте, что у меня есть какие-то антисемитские по отношению к вам. У меня жена еврейка, понимаете. А взять я вас не могу по этой причине." Я повернулся и ушел. И так еще были у меня тоже случаи, еще один или два. А потом все-таки я устроился на одну, похуже уже, фабрику. Похуже, чем эта была фабрика. Фабрика, которая производила детские игрушки. И я устроился. Сначала я устроился механиком цеха....

Уже другая, которая размещалась на Крестьянской заставе, сейчас там метро Пролетарская. Как раз на этом месте. Я пришел на эту фабрику тоже по рекомендации. Директор фабрики был армянин. Он посмотрел мои документы: "Да, вы нам подходите".

- Не стал советоваться в райкоме?

- Слушай. "Вы нам подходите, но я вас могу принять механиком цеха". Там электрические пресса были, рубили детали и ручные. Работали на них бабы, девчонки, лет по 25-27. Запущено все, болтаются и ничего, как же они работают, я потом подумал. Он мне это все показал: "Как, вы могли бы это наладить?" - он мне говорит. Я говорю: - В принципе да, но мне надо помощь. - Какую? - Кое-какие детали, выточить на токарных станках, болты специальные и все прочее. - Это мы можем, у нас есть механический цех, в котором по вашим чертежам все сделают. Он взял мою трудовую книжку и, как ни странно, фабрика небольшая была, взял меня на работу. и я там стал работать. Проработал месяца 3-4, наладил все это производство, девки эти стали все довольны, стали больше зарабатывать, потому что простое меньше стало. Да, сдельно работали. Они меня вот так вот полюбили, как в главном управлении связи. Но народ другой, простой, не то что те, образованные... И я наладил все, меня вызывает директор, Степанян фамилия его, и говорит: "Товарищ Хенкин, я вас хочу назначить главным механиком нашей фабрики." Не главным механиком цеха, а главным механиком нашей фабрики. А там несколько цехов было. Уже мне физически работать не надо, я буду только давать указания механикам. Я говорю, ну что ж, я не возражаю. И он меня назначил главным механи-

ком фабрики. Соответственно и оклад увеличился. И я работал. Я уже не помню, что-то 1300-1400 рублей. Это было в 48 году. А механик получал что-то 900 рублей, вот так. А бабы сдельщики были, они получали по тысяче, вот так, сдельщики все были, сдельщики. И вот я так продолжал работать. Там несколько цехов было, игрушки детские делали. Значит, какие игрушки делали - лошадки механические, такого размера, потом такого размера и еще больше, три размера делали, потом разные такие каталочки игрушки, бабочки махали. И я там проработал примерно год, на хорошем счету был. А потом эту фабрику начали преобразовывать, переделывать. Закрыли игрушки, не пошли уже, уже они не нужны были. Уже они устарели морально., такие игрушки. Было перепроизводство. И переключили фабрику эту на изготовление галош для валенок. Тогда после войны ничего не было, галоши делать стали. А когда галоши делать стали - уже не мой профиль. Не по моей специальности. У меня механические, а там уже литые цеха были. И я оттуда был вынужден уволиться. Уволился я оттуда...

- А Степанян остался?

- Да.

- Ему все равно, чем руководить?

- Да. Короче говоря, там год проработал, а потом я уволился и поступил в артель. В артель, в металлоремонт, что ли. Тоже механический цех там был. Мы там делали замки для дамских сумок и застежку молнию. Вот я работал наладчиком по этим замкам и по автоматам по застежке молнии. Я там проработал года два с половиной примерно. Артель - это та же фабрика, только она не государственная, а кооперативная.

- Это как?

- Ну как. Мы члены артели были все. Не члены союза.

- Профсоюза.

- Нет, у нас профсоюза не было. А мы самостоятельно.

- Сколько человек работало?

- Человек 150.

- Это ж крупный завод вообще.

- Это не завод.

- Вами руководил райком партии?

- Нет.

- Самофинансирование, что ли?

- Да, был директор, главный инженер.

- Частное предприятие, что ли?

- Колхоз, знаешь что такое? А это тот же самый колхоз, только го-

родского типа. Распределялись доходы общим собранием. Прибыль, доход, все.

- Получалось, что вы могли зарабатывать много денег?
- Да, очень много.
- Налоги ж у вас были?
- Да. Налоги были как на государственном предприятии.
- А почему вы не могли зарабатывать много денег?
- Потому что советская власть контролировала все.
- Конкретно в чем это проявлялось?
- Во всем. Везде были фининспекторы, все проверяли. Тебе нельзя платить: например, полторы тысячи тебе платят, а тысяча пятьсот пятьдесят уже нельзя платить.
- Почему?
- А потому, что финотдел не пропускает. Все. Вот так.
- То есть у вас был свой контроль.
- Ну а как же. Что значит, свой контроль? Не свой контроль, а контроль со стороны государства.
- То есть бухгалтер был от государства? Как это практически осуществлялось?
- Частный бухгалтер был, не частный, а вольнонаемный, а все директивы спускались с финотдела района.
- То есть вы зарабатывали прибыль, чего-то там распределяли, а какую зарплату платить, решал райком партии?
- Вилка была - не больше тысячи пятисот, скажем наладчик. Механик, там...
- А куда вы девали свою прибыль?
- Делили между собой. а что там прибыль была? Какая там прибыль была? В год мы получали прибыли полторы тысячи рублей кроме зарплаты. За целый год.
- То есть вы плохо работали так, неэффективно?
- Работали хорошо, но больше не давали. Остальные деньги государство забирало.
- То есть вы распределяли прибыль эффективно...
- Да, гроши, которые оставляло нам государство. А государство все забирало, львиную долю.
- То есть, допустим, вы заработали какую-то сумму, 50% государство забирало?
- Больше чем 50%.
- 80%?

- Да.

- В чем тогда смысл этой артели?

- Вот в том, такая система была.

- А чем это отличалось от фабрики?

- Да почти ничем.

- Только называлось?..

- Да. Вот там я проработал года три. Потом... А после этого

- Подождите, я хочу вернуться еще. То есть у вас деньги забирало государство, но вы могли по своему желанию купить оборудование, машины какие-нибудь, не на зарплату деньги тратить, а на оборудование?

- Кто мы?

- Артель.

- Вот артель, директор, главный инженер, они решали этот вопрос. Они писали письма, добивались, а отпускали гроши. Вам не положено - ответ. Или: завод государственный списывает в металлолом, который должен сдавать на переплавку, посылали, вот я ездил и отбирал из этого металлолома, который выбрасывали на свалку, я отбирал - токарный станок, сверлильные станки выбрал, дальше, ножницы электрические, которые заводы государственные выбрасывали на свалку, а я отобрал и нам отпускали по особым письмам, через Совет министров, что ты! Совмин СССР давал добро: отпустить или отправить на переплавку. за взятки это все делалось. А как ты думал? Не заплатишь, ничего не дадут.

- Какой смысл?

- А вот выбросят лучше.

- А смысл вам какой - взятки давать?

- Чтоб получить оборудование, а так будешь молотком, кувалдой работать.

- Это чтоб зарплата побольше была?

- Чтоб условия работы были лучше. Не было токарного станка, вот скажем. Сломалась какая деталь, для того, чтобы сделать, надо было обращаться к халтурщикам, которые работали на государственных заводах и платить со своей зарплаты, и они тебе выточат ту или иную деталь. А так у нас был плохонький, но свой токарный станок, на котором наняли токаря и он делал то, что нам необходимо. То же самое - сверлильный станок. Сверлить ручную, - вот такие были, допотопные, ручную, крутили, или электрический сверлильный станок.

- А кому взятки давать?

- А, в Министерстве. В министерстве распределяли - артелей много было, - и вот им выделяли какое-то количество этой списанной техни-

ки. Они могли тебе дать, а мне - не дать.

- **А взятки были - какая сумма?**

- Разные, в зависимости... Деньги, коньяк и все давали. Так вот, я прихожу: Иван Иванович! Почему Иван Петровичу выделили, а мне ни одного? - Ну, вы знаете, у них объем работы другой, больше... - начал вымогать. Это не я этим занимался, а занимался главный инженер и председатель артели. туда-сюда, полтыщи положат ему...И нам дают станок. Вот так.

- **Но ведь за это могли поймать...**

- И ловили, и сажали.

- **И ради полтыщи он рисковал?**

- Рисковали, да. Вот такая система была. А потом я после с этой фабрики ушел, я понял, что там...

- **Но все-таки, у вас не было возможности покупать новое оборудование, у вас не было возможности платить зарплату побольше, но у вас была возможность внутренних?..**

- У кого - у вас, я был рядовым рабочим!

- **У артели.**

- Да, у артели, и там руководил председатель правления артели и главный инженер. И бухгалтер.

- **То есть они могли, допустим, какую-то продукцию налево продать на рынке, могли?**

- Могли. И могли посадить за это сразу. ОБХСС был, контролировал. И сажали, и давали сроки большие, если налево продал.

- **Но он мог, допустим, у себя построить кабинет, красивый, он мог нанять на работу людей, подснежников, и платить им как бы деньги, а на самом деле эти деньги забирать себе. То есть по-всякому же можно было.**

- Можно было платить. Если по-хитрому сделать. И те же рабочие продавали, продавали начальство, понимаешь? Например, договорились: рабочие пришли ремонтировать предприятие. Цех. А хитрит, главный инженер был, - вот сколько вы хотите за ремонт этого цеха? - Они говорят: 3000 рублей. Побелить, покрасить стены. А главный инженер говорит: "Я тебе даю три с половиной тысячи, пятьсот рублей мне отдашь". Он говорит: "Хорошо, какая разница". Договорились. Они отдают ему 500 рублей, а потом идут в ОБХСС и говорят - вот так и так. И сажают его, получает срок.

- **Из сознательности или злости?**

- Это их уже дело, не поделили чего-нибудь, по разной причине. Вот сколько хочешь было таких. По глупости, по ненависти, по пьянке - разболтал где-нибудь и все.

- **А ненависть к кому?**

- К тому, кто деньги взял.

- **А за что ненавидеть-то?**

- Ну откуда я знаю? Это уже частный вопрос. Поругался - и все. Плохо покрасил, и вот в пивной: "Ты знаешь, вот я работал-работал ему, вкалывали, две недели, заработали три тысячи, а он с нас взял 500 рублей, а ни хрена не делал, и пятьсот рублей забрал. такой паразит, он повкалывал бы, как мы!" В пивной прислушался - ты где работаешь? - Там. - Все. Вот у меня был главный инженер один, по национальности чуваш. Красивый, деловой такой. И я одно время работал слесарем по изготовлению штампов. Штампы делал. Вот штамп делаю 2 недели, за месяц я делаю 2 штампа, Мне платили полторы тысячи за два штампа. Он вызывал меня

- **? вы перестали уже заниматься?**

- Да, перестал.

- **Полностью, да?**

- Да. Если попадалась халтура где-нибудь, я занимался.

- **Вы же могли устроиться в фабрику по пишущим машинкам.**

- Не хотел я, там работы уже не было, их много уже появилось, этих мастерских. Развелось много, и там уже дело дохлое было. Я больше тебе скажу, когда меня уволили с Главного управления красной армии, то я чем занялся - не мог никуда устроиться, я ходил по учреждениям мелким и говорил: "Вам такой мастер нужен?" - "Да, нужен". Я ж занимался кроме ремонта пишущих машин еще ремонтом арифмометров. "Да, нужен. Но мы же вас в штате не можем держать", - мне главный бухгалтер говорит. "Мы заключим договор: вы приходите к нам, скажем, по вызову, мы вам платим в месяц 50 или 60 рублей".

- **А какой смысл 50 рублей?**

- Заключал я договор. С одной организацией, второй, третьей, четвертой, пятой... - у меня так было десять организаций.

- **Это же всего пятьсот рублей.**

- Да, пятьсот рублей. А это деньги были. Пятьсот или семьсот рублей.

- **Очень мало. так вы за один день получали тысячу пятьсот...**

- Уже спало это дело, прошло это время. Но если бы у меня дома тогда телефон был... Они мне звонят: "У нас неполадка, сломалось, приходите", А я прихожу раз в десять дней, а сегодня ушел, а завтра сломалась. Как они со мной могут связаться?

- **Но эту проблему очень просто решить, вы могли договориться с какой-нибудь женщиной, домоседкой, диспетчер на телефоне...**

- Тогда не было телефонов ни у кого!

- У частных лиц?

- Не было!

- Ни одного, что ли?

- Были у кого-то. А как бы она со мной связывалась?

- А вы бы каждый вечер звонили сами.

- Откуда?

- Из автомата.

- Это сейчас ты так умно рассуждаешь.

- Были телефоны автоматы?

- Были. Нет, это практически невозможно было. Она сидеть будет тебе целый день и ждать. Нет, это не проходило. Домашних абсолютно не было. Вот, и я набрал такие организации...

- А в организациях были телефоны?

- Да, но тоже - один там телефон... В общем, у меня набиралось в месяц рублей 700-800. Я два-три раза заходил в эти учреждения и вот однажды прихожу я на Хорошевском шоссе, у меня в основном там были: да, вот нам надо отремонтировать, вышло из строя. Я, значит, ремонтирую, я приходил в те дни между зарплатой и перед зарплатой, и они мне выплачивали там 70 рублей, 60 рублей, я уже не помню. Бухгалтер был - стерва, пьяница, и он требовал, чтобы с каждой зарплаты я ему ставил бутылку.

- Сколько стоила бутылка?

- Ну, я уже не помню...

- Пять рублей, десять?

- Нет, дороже

***

- Про налоги еще интересно. То есть работала дома швея, и значит соседка на нее капнула, пришли и налоги на нее наложили. И сколько, какая сумма была?

- Я уже не могу тебе сказать, потому что я не платил эти налоги.

- В месяц сколько? 300 рублей?

- Может и больше. Если ты не платишь налоги - приходили домой, описывали мебель, домашние вещи и забирали, увозили.

- А если нет вещей?

- Нету вещей, значит, сажали в тюрьму.

- Это был 49-й год?

- Это было уже позже даже.

- А после артели что было? В каком году вы вышли из артели?

- Я перешел из артели, сейчас тебе скажу, в 60-м году я ушел завод металлоизделий, то есть я устроился в мастерскую металлоремонта.

- Но 60-й - это прилично уже.

- Вот, в 60-м году, завод металлоизделий назывался. И я там работал до ухода на пенсию. А на пенсию я ушел в 81-м году, 21 год я отработал на заводе металлоизделий, мастерская металлоремонта.

- Это уже был советский завод, настоящий?

- А как же. При советской власти все было.

- Назначили мне пенсию, и я ушел с этой фирмы. Правда, я ушел с этой работы, но я устроился на предприятие государственное, устроился - Комитет по науке и технике при Совете министров СССР, механиком, и я уже получал и пенсию и зарплату. Зарплата у меня была 1500, пенсия - 1200. Всего я уже получал 2700.

- Тогда же не было таких пенсий, тогда зарплата была 200 рублей...

- Я тебе говорю - с 81 года. У меня пенсия была - 1200 рублей.

- Да нет, не могла. У нас же зарплата была какая - 120 рублей.

- А, да. Ну, 120 рублей - пенсия, была максимальная, и 150 у меня была зарплата, итого я получал 270 рублей. Вот такие деньги я получал. Имел право и зарплату, и пенсию - до трехсот рублей, не больше - если я 301 рубль заработал, то этот рубль забирали все равно. И вот так я проработал до 95-го года. До тех пор, пока Люся тяжело заболела. Я бы еще работал, но Люся мне сказала, и я сам видел, что ее одну оставлять дома... И я вынужден был в 95-м году уволиться. Причем ко мне всегда везде хорошо относились. Начальство, потому что я добросовестно выполнял свою работу. И я работал, и ко мне хорошо относились. А потом - Люся болеет, болеет, - я пошел и говорю, а у меня начальники были, они гражданские были, но в прошлом они были полковники, в звании, они мне рассказывали, - и так получилось, что эти два полковника, один был директор этого здания, я работал на улице Горького. Знаешь, где Комитет по науке и технике? Я как-то с ними разговаривал, они тоже из войск связи. А я говорю: "Я тоже в войсках связи служил во время войны и до войны еще." А они мне говорят - А где вы служили? - Я говорю - В первом полку связи. - Они: И мы там служили. Только они служили после войны. Они моложе меня намного. И они ко мне хорошо очень относились, и все прочее. Я получал у них 1500 рублей, зарплата неплохая была. Когда мне надо было, они меня всегда отпускали. Хорошо относились ко мне. Они и сейчас работают. И я тогда прихожу и говорю (одного звали Вячеслав Александрович, второго Борис Александрович) - Борис Александрович (он директор был), я хочу уволиться. - Как, зачем? Работайте на здоровье, нет, мы вас не отпустим. - Я же пенсионер, как вы меня не отпустите? - А вот так, работайте и все. Если вам надо раньше уходить - пожалуйста. Позже при-

ходить - пожалуйста. Давайте договоримся так: вы приходите не к 9, а к 11. Или приходите к 9, будете уходить не в 6, а в 4. Нас устраивает это, но чтоб вы у нас были. Я говорю - У меня жена тяжело больна, я не могу ее дома одну оставлять. - Давайте тогда работайте через день. - На все уступки мне шли. - Я говорю - Я не могу. - Нет, мы вас не отпустим. Я говорю - Я сейчас вам скажу два слова, после этих двух слов вы меня не задержите ни на одну минуту. Они посмотрели на меня: что же такое, я шпион, что ли? - Скажу, что я агентом работаю иностранной разведки, и они меня сразу выгонят. Они сразу вытаращили глаза на меня и смотрят: что ж он скажет. Я говорю: "Вячеслав Николаевич, я - инвалид 2 группы". А инвалид 2 группы не имеет права работать вообще. Нигде. Ни один кадровик не имеет права тебя оформить на работу, если ты инвалид 2 группы. Если ты инвалид 3 группы - да, а 2 группа - это нерабочая. Я им так сказал, а они мне говорят: что же вы молчали раньше? - А чего же я буду говорить? Работал я спокойно и все. - А где у вас документы? - Я вынимаю и показываю документы из поликлиники. Что они могут сказать? написали приказ и уволили меня в 95-м году. вот вся моя трудовая биография закончилась. Я начал работать в 37-году. В 37 начал - в 95 закончил. Пятьдесят восемь лет. Из них война - 4 года. Вот все.

****

Артели были абсолютно разного профиля. Значит, занимались изготовлением швейных изделий, шили пальто, шили верхнюю одежду - костюмы, платье, артели были сапожные, которые изготавливали обувь новую. Артели были абсолютно... трикотаж делали, нижнее белье делали артели, специализация была. Артели производили мебель, артели занимались ремонтом квартир, абсолютно все. Возникли они еще до войны, а получило большое развитие сразу после войны. Они быстро сориентировались, выпускали все, все артели делали тогда. Конечно, качество было не на высоком уровне, потому что оборудование было такое, и сырье не давали, на отходах работали, на отходах промышленности. Промышленные отходы получали артели - кожаные изделия делали, все делали артели.

- То есть смысл такой, что все же какое-то подобие частного предприятия?

- Нет, не частное...

- Но какая-то минимальная свобода была?

- Да, было проще, чем на предприятиях союзного значения. А это назывались артели, подчинялись одному союзу - Мособлробсоюз. Эти артели все входили в промышленный союз. И сапожные, ремонт радиоаппаратуры, и все. Договаривались люди, молодые в основном, директор, главный инженер и главный бухгалтер. Они организовывались и набирали людей, скажем, по производству мужских носков. Достава-

ли списанное оборудование...

- Помещение?

- Подвалы в основном. Подвалы жилых домов, предприятий подвалы, вот так они ютились. Значит, носки, скажем, мужские. Доставали списанное оборудование государственных предприятий, ремонтировали их и открывали какой-нибудь цех, выпускали мужские носки или дамские колготки. И вот так вот работали. Набирали людей, все было, учет бухгалтерский, все было не так просто. Если они пускали что-нибудь налево, они рисковали. И при поимке получали срок, и немалый. И таких я знаю, которые получали срок значительный - по 10 лет, по 8 лет, за левый товар. За левую продукцию.